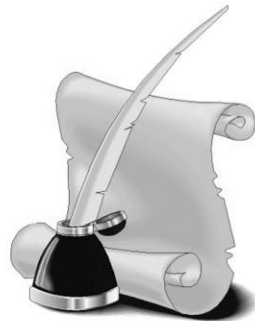

Ю.Белов

Миргород,
Трубайцы,
Ялосовецкое
Бригадировка,
Большая Поповка,
Малая Поповка,
Обуховка.
Возвращение
в Судак.

Полтавским

ШЛЯХОМ

Судак - 2011г.

ШЛЯХОМ

Полтавским шляхом.

Миргород. Капнисты.

Потяг підійшов до Полтави о п'ятій ранку. Але місто зустріло нас непривітно. Накрапував дощик, та до електрички на Миргород було ще три години. Не марнуючи часу, ми знайшли таксі, та майже за десять хвилин були вже на автовокзалі і купували квітки до курорту, який мав ту ж назву, що й місто, Миргород – мир городок, як згадують його у старовинних рукописах. Що визначає заснований усім миром, як все, що робили раніше.

Так, подумки, я починав розповідь про цю цікаву подорож Полтавським шляхом, по містах, де були колись, вже зруйновані часом, маєтки Капністів, майже не перших, хто, ще з часів Катерини, оселився у «фрозкішній судацькій долині».

В поїздку эту мы собирались давно. Три месяца нам с женой обещали путевку, признаться, первую в нашей жизни, сначала в Феодосию, потом в Алушту, постоянно откладывая, видимо, надеясь, что нам надоест это ожидание, и мы откажемся, и, наконец – Миргород... Кому-то это могло показаться не самым лучшим местом для отдыха, а для нас это была возможность не только поправить здоровье, но и побывать в местах связанных с именами Капнистов. Сразу вспомнилась Обуховка, где похоронен не только известный поэт, но и Мария Ростиславовна Капнист, актриса с необычайно сложной судьбой – дочь расстрелянного в Судакe графа Р.Р.Капниста, которая ушла из жизни в 1993 году.

За месяц до этой поездки я заезжал к её дочери Раде в Харьков и просмотрел оставшиеся после Марии Ростиславовны письма и документы, связанные с историей рода Капнистов, что вновь всколыхнуло во мне интерес к этой прославленной фамилии.

Под Миргородом было имение и старшего брата поэта Петра Васильевича Капниста – Трубайцы (Турбайцы), где он после возвращения из революционной Франции и Англии основал свою «Турбайскую республику». А рядом – Поповка, Манжеля и другие селения, подаренные еще Елизаветой их отцу, Василию

Петровичу Капнисту, Миргородскому полковнику и бригадиру, героически погибшему в битве при Гросс-Эгерсдорфе.

Мне, конечно, не хватило бы тех неполных двух недель, которые были определены путевкой, чтобы побывать во всех этих местах. Но я не терял надежду, что узнаю много интересного, и отправился в путь. Как тут не вспомнить слова «відомої байки»: «І шуку кинули у річку»...

Собираясь в поездку, я просмотрел весь материал, собранный у меня, о Капнистах и сделал некоторые записи и копии документов, которые могли понадобиться в пути. И пока автобус пробирался по извилистой дороге от деревни к деревне, решил перечитать их уже в который раз, «щоб скоротити час до Миргорода». Да, и «шановному» читателю будет. Наверное, интересно вспомнить историю рода Капнистов, чтобы понять суть моих поисков на далекой Полтавской земле.

В последнее время появилось много публикаций о Капнистах в газетах и различных изданиях, но в основном они повторяют друг друга, а часто и противоречат. Признаться, еще достаточно не ясного и неизученного в истории этого рода, много и «белых пятен», которые не просто заполнить.

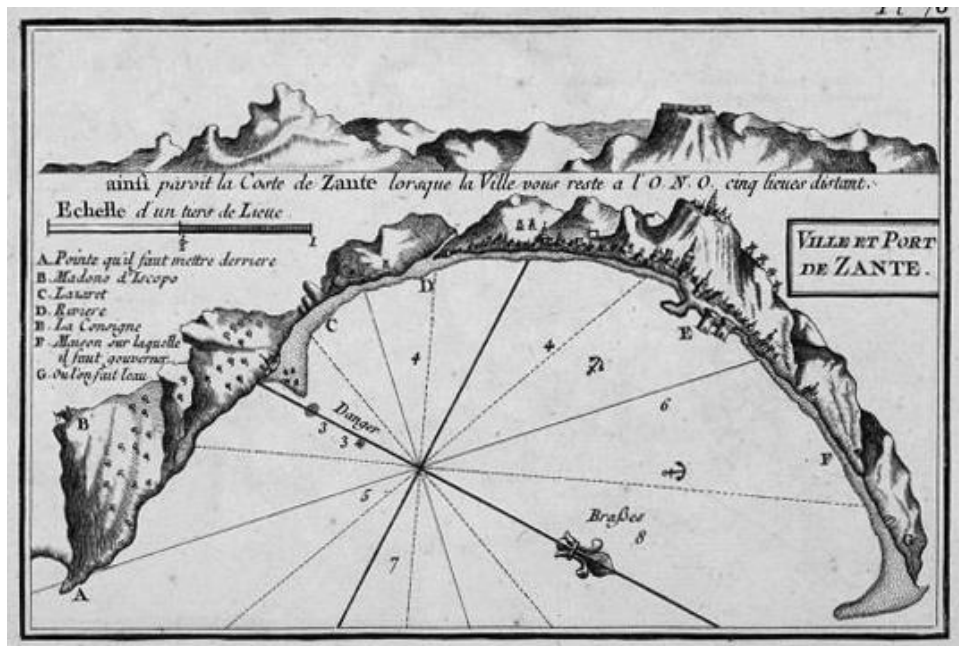
Известно, что Капнисты выходцы с острова Занте греческого архипелага, который византийцы называли цветком востока – «Fior di Levante». Автор семейной хроники, написанной во Франции. Елизавета Ипполитовна Капнист, в замужестве Новикова, упоминает о развалинах родового замка, которые существовали в начале 20 века, возможно целы и сегодня. Остров известен своими вулканами и здесь часто бывают землетрясения. С древности жители его привыкли к непреодолимой стихии природы и превратностям судьбы. Поэтому и нарисованы три горы, с огнедышащим вулканом, на гербе Капнистов, и более понятной становится латинская надпись «И в огне не горим» («В огне непоколебимы»).

Остров окружен горами и возвышенностями, среди которых выделяется вулканическая гора Скопос, изображение которой, видимо, и помещено в центре герба Капнистов, а в долине, как в чаше, зреет виноград. Местность эта напоминает пейзаж Судака. В архивах города Занте сохранилось имя Федора Капнисси, привезшего в 1511 году лозу из Коринфа,

которая произрастает там и сегодня. В древности здесь жил знаменитый поэт Пифагор, а в начале прошлого века родились поэты Саломос и Фосколо. В их честь Занте называли островом поэтов. Думаю, что к этому достойному списку жители его могли бы добавить и имя Василия Капниста.

Род Капнисси был знатен и богат. Представители его отличались патриотизмом и всегда выступали на защиту венецианской республики, не только воевали сами, но и, не считаясь с расходами, снаряжали вооруженные отряды. В документах 1400

годов встречается имя Андрея Капниси, награжденного орденом святого Марка, высшей наградой республики. В 1499 году Петр Капниси воевал с венецианцами против султана Баязета и тоже был награжден за свои заслуги. Стомателло Капниси в 1684 году сражался при острове Левкада под начальством венецианского полководца Франческо Морозини, а в 1702 году был пожалован венецианской республикой в графское достоинство со всеми своими потомками.

Кстати, Морозини в 1687 году подверг артиллерийскому обстрелу Парфенон, где турки устроили склад пороха, и центральная часть уникального храма взлетела на воздух.

В.Л.Модзалевский в «Малороссийском родословнике» (1910г.) указывает его отчество – Петрович, но со знаком (?). М.Дмитриенко и А.Ясь более уверенно пишут об отце Стомателло полковнике венецианской службы Петре Капнисисе. О Христофоре Стомателловиче ничего не известно. Сын его, Петр Христофорович, в 1711 году, не смотря на запрещение венецианского правительства, «вооружил отряд добровольцев», чтобы помочь Петру I в войне с турками.

После неудачи русских при реке Прут, боясь наказания венецианского правительства, бежал «вслед за сыном» в Россию, (как пишет В.Л.Модзалевский), но во время пути заболел и умер. В 1710 году на Украине свирепствовала

Франческо Морозини

чума, возможно, она и была причиной его смерти. Жан Бенуа Жерар в «Летописи Малороссии» (Париж) пишет: «Року 1710 до спустошень війни додалася чума. Це жахливе лихо спочатку виявило себе у Київі, а звідти пішло у безліч інших місць». («Арзив Коша Нової Запорозької Січі», Київ, 1994р.)

Не ясно воевал ли он сам в России или только «вооружил» отряд. Об этом пишут по-разному. В «родословнике» сказано, что сын его, Василий Петрович, «ревнуня христіанському закону, оставя родителей своих дом и все имение в Турецкой области, пришел в обретающийся тогда при р.Прут российский корпус и с того времени служил в польских походах волонтером, в партиях и разъездах».

Слова «родителей своих дом» не позволяют сказать с уверенностью покинул ли он семью или только родительский дом. Но, в других источниках говорится, что лишь «родителей своих». Из чего можно предположить, что Петр Христофорович только вооружил добровольцев, среди которых мог быть его сын, а не возглавлял отряд, как пишут некоторые авторы. И уже после поражения российских войск бежал в Россию «вслед за сыном».

Если сын его, Василий Петрович, участвовал в Прутском походе, ему могло быть не менее 14-17 лет. Хотя, обычно указывают датой его рождения 1700 год. Тогда ему было всего 11 лет, что, согласитесь, не возраст для боевых действий. И как тогда относиться к легенде, что «малолетнего Василя усыновил богатый изюмский сотник (по некоторым сведениям полковник) Павлюк. Трудно назвать «малолетним» человека, который отправился сражаться в далекую страну.

Подвергают сомнению и графское достоинство украинской ветви Капнистов. Александр Оглоблин в книге «Люди старої України» (Острог-Нью-Йорк, 2000г.), не отрицая всего, что известно о Стомателло, пишет: «Це мабуть так і було. Але далі

починаються генеалогічні кунштюки, які викликають цілком слушні сумніви дослідків. Бож Капністи хочуть довести, що той Петро Христофорович, який допомагав своїм загоном російському цареві Петрові під час війни з турками (1710-1711) після прутської поразки тікав до Росії і був внук Стомателло Капніссіса. Це була безперечна несітниця, сенс якої полягав хіба що в тому, щоб причепити безродного, (або худородного грека), Петра Христофоровича до одноіменного венеціанського нобіля».

Я не разделяю подобную точку зрения, но у меня тоже вызывает много вопросов вся эта история. Если Стомателло Капнисицу было лет 50-60, когда он в 1702 году получил графское достоинство, (дата его рождения неизвестна), то он должен был родиться где-то в 1640-е годы, его сын Христофор Стомателлович – по крайней мере в 1660-е, а Петр Христофорович – в 1680-е. Вроде бы, все гладко и, кажется, сходится. В этом случае, Петру Васильевичу Капнисту в 1711 году было около тридцати лет, и у него мог быть «малолетний» сын 11 лет, но... вряд ли 14-17 и старше, чтобы самостоятельно участвовать в походе, «оставя родителей своих дом и все имение в Турецкой области». А ведь говорится о том, что Петр Христофорович не «взял его с собой», а «бежал в след за сыном в Россию».

Но, все сомнения опровергает поэт Василий Васильевич Капнист, который, уж наверное, больше знал о своих предках. В письме А.М.Бакунину 16 октября 1798 года он пишет: «Разве ты позабыл, что во мне греческая кровь течёт и что предки мои на острове Занте были в числе ратников Пенелопы».

Мне не нужно других подтверждений и я предпочитаю ему верить...

Нашим попутчиком в автобусе оказался учитель из Полтавы, который ехал с женой, преподававшей математику в школе, к родственникам куда-то за Миргород. Разговорившись, мы узнали, что в доме его тети в Миргороде, на улице Воскресенской, в центре города, не далеко от санатория, в 30-е годы прошлого века жила на квартире дочь известного в городе врача Ивана Андреевича Зубковского, основавшего еще до революции Миргородский курорт, Екатерина Ивановна, у которой, не смотря на заслуги отца, был отобран дом, и она вынуждена была снимать жилье, и жить на квартире.

Рядовой драгун 1700 - 1720гг.

Владимир Гришко, так звали моего случайного знакомого, рассказывал, что в доме у его тети находилась мебель, принадлежавшая когда-то Зубковскому и, не так давно, её передали в музей курорта. А тетя уже год, как умерла.

Расставшись с ним на автовокзале, мы отправились к нарядному входу курорта, с белыми колоннами, который было видно в конце улицы.

Можно было бы считать эту встречу случайной, но уж слишком много чего-то подобного происходит в моей жизни, и больше похоже на провидение. Позже, увидев в музее портрет Михаила Васильевича Пекура, который

еще в начале XX века был нотариусом в Миргороде, я удивился необыкновенному сходству с моим попутчиком, который, как он упоминал в разговоре, был его правнуком. Так и в каждом из нас скрыты черты прежних поколений людей, о чем мы часто не знаем и не задумываемся об этом. И в потомках древнего рода Капнистов кипит кровь непокорных и свободолюбивых выходцев с острова Занте, угадываются их фамильные черты...

Полтавским шляхом.

Пустынный остров.

На следующий день я уже отправился в путь.

Автобус отходил в семь часов утра. Оставалось еще минут двадцать, и я решил купить что-нибудь в дорогу. Но магазины не работали, а на рынке, рядом с автостанцией, только привозили и раскладывали товар. Но все же удалось найти батон и бутылку воды, и успеть к автобусу, когда все уже бросились занимать свои места.

Я объяснил водителю, что еду впервые и не знаю, как добраться до нужного села. Ответ его меня совсем не обрадовал. Оказывается, что из Хорола, куда шел автобус, к Трубайцам, иначе, чем на такси, не доехать, поскольку был не базарный день. Правда, начиналась жатва, и могли быть попутные машины или какой-нибудь трактор. А если не повезет, то идти пешком от Хорола 16 км, но если сойти при повороте с дороги на Киевскую трассу, не доезжая районного центра, будет не более двенадцати...

Через час, выйдя на повороте из автобуса, я уже шагал, пользуясь советом водителя, сначала к заправке, через дорогу, и дальше, мимо танка на пьедестале, не заходя в большое село Вишняки, бывшее имение Котляревских, по мощеной булыжником дороге, которую вскоре сменил асфальт, и, обойдя машинно-тракторную бригаду, прямо в поле, по бесконечной серой ленте, которая терялась вдаль... Настроение было хорошее. Идти казалось легко. Дорога стелилась, как ковер, без ям и ухаб. Вот только запасов моих вряд ли хватило бы на весь день, а вокруг были только незрелые подсолнухи и кукуруза, да тыквы мостились на обочине.

Через пару километров пути, у собиравшего в поле сено мужчины, я спросил, правильно ли иду. Оказалось, что едва не отклонился в сторону от своего маршрута, и на развилке нужно повернуть вправо, а метров через триста налево и тогда уже прямо до самого конца. Настроение это не испортило. Вокруг так же пели птицы, ярко светило солнце, тень от деревьев падала на дорогу, скрывая от зноя. Но скоро я почувствовал, что у этой замечательной дороги есть один недостаток – она очень длинная...

Часа через два показались первые домики деревни, от которой до цели моего путешествия было еще далеко. Это было старое казацкое село Костюки, названное так, видимо, по имени ее первого жителя, а может быть в этих местах было когда-то побоище и в земле остались «костяки» - останки погибших воинов, что тоже можно

было предполагать. Я обогнал старушку, гнавшую домой коров, и спросил нельзя ли купить у неё молока. Но молоко с утра уже сдали, и она пригласила меня в дом, который стоял на краю села, чтобы напоить вечерним. По пути я спросил её, как мне идти дальше и что она знает о помещичьем доме в Трубайцах, сохранился он или нет. На все эти вопросы смог ответить её муж, Иван Михайлович, который, пока я допивал молоко, не только рассказал мне грустную историю имения, но и нарисовал план, объяснив как туда добраться. Находилось оно в стороне от дороги, и, выходя из села, нужно было свернуть с мостика вправо по тропинке, пройдя так несколько километров вдоль поля до речки Хорол и заболоченного места, которое нужно перейти вброд, чтобы попасть на остров, где стоял когда-то «панский дом» с садом, цветником и старыми дубами, которые давно спилили. Иван Михайлович помнил, как в детстве они прыгали с дубового «корча» в воду. Он рассказал, что остров тянется метров на триста в длину. Прежде там был прорыт канал и сделана купальня с раздевалкой и водокачка, но все это не сохранилось. Дом разрушили еще после революции. Он был небольшой, двухэтажный, такой же, как в Вишняках, который уцелел и где находится сейчас Дом престарелых или глухонемых. Иван Михайлович вспоминал, как там было красиво, и с горечью говорил, что многие сожалели о том, что его разрушили, могли бы сделать санаторий или Дом отдыха. Но все растащили и уничтожили, а на этом месте построили... свинарник, да и от него уже ничего не осталось.

Дальше по улице, через два-три дома, жила старушка Рида Явдуха Мусиевна, которой было уже 85 лет. Мне посоветовали к ней обратиться, и она вспомнила, что рядом с домом были аллейки, а в реке плавали лебеди. О помещике говорила, что «Капнист дядько був хороший», хорошо платил и кормил работников, но как его звали, не помнила.

Выходя из деревни, я еще раз спросил у одного из жителей правильно ли иду и, спустившись с моста по тропинке, направился в поле, где далеко впереди виднелось стадо коров, в том месте, где было когда-то имение Петра Васильевича Капниста и находилось, принадлежавшее ему, селение Трубайцы (Турбайцы). Еще в конце XVIII века он основал здесь свою Турбайскую республику, о чем, к сожалению, никто уже не помнил...

Карета, запряженная четверкой лошадей, пронеслась по тихим улочкам Хорола, пугая обывателей, и подкатила к дому земского судьи Миргородского «повіту» Семена Родзянка, который женил своего сына, бунчукового товарища, Емельяна. В карете были Петр, Андрей и Василий Капнисты, в числе других, прибывшие на свадьбу. Не всем понравился их роскошный выезд, который не соответствовал табелю о рангах. Среди гостей оказался приехавший в Малороссию для покупки строевых лошадей подполковник Псковского карабинерного полка Баранов. Он сделал замечание братьям и напомнил им «для чего они осмеливаются, в противность именного указа, ездить не в дозволенном экипаже, то есть четвернёю в карете и с вершниками, и что на двух человеках была ливрея, выкладенная вместо петлиц белым узким галуном».

Так, в 1776 году, возникло «дело на отставного гвардии прапорщика Петра Капниста и гвардии же Преображенского полку сержантов Василия и Андрея Капнистов», которые обвинялись «в вызывании ими его, Баранова, на поединок и в разбросании пасквильных ругательных писем». Но следствие установило, что Капнисты, а речь шла об Андрее и Василии, поскольку Петр, «как отставной», не подлежал ограничениям, «будучи на свадьбе ездили верховыми лошадьми, и на людях их ливрея была с простого серого сукна». Обвинения Баранова, опровергнутые свидетелями, не нашли подтверждения и дело закончилось ничем.

История эта вносит некоторые поправки в семейную легенду, по которой Петр Васильевич, «будучи красавцем и узнав, что он замечен государыней, не внимая мольбам и убеждениям друга и брата своего Василия Васильевича, бросил службу и бежал из России», опасаясь уготованной ему участи очередного фаворита Екатерины и всемогущего Потемкина, чуть ли не в один день, подав в отставку и уехав за границу. Но, как видно из дела, через год, (а оставил он службу, по документам архива, 10 июня 1775 года). Петр Васильевич находился еще в Полтавской губернии, «как отставной», и покинул Россию видимо позже. Дата эта, как и время возвращения его из заграничного странствия, точно не известна. Мы знаем только, что умер он через 50 лет, 22 ноября 1826 года.

Остались позади Костюки, о которых дочь поэта В.В.Капниста, С.В.Скалон, к воспоминаниям которой нам придется еще не раз обратиться, писала, что, направляясь всем семейством в гости к Петру Васильевичу из Обуховки, имения её отца, они, «не доезжая вёрст пяти», останавливались в казачьем селении, чтобы умыться от пыли и переодеться.

Дорога привела меня к острову, окруженному бесконечными камышами. Крыши давно уже не крыли «очеретом» и камыш рос здесь без надобности. Мне говорили, что и специалистов, которые могли бы хорошо уложить «очерет» и, подбивая края, сладить хорошую крышу, тоже уже не найти.

Болото переходить не пришлось. Оно пересохло, и свежая колея пролегла в стороне, смяв гибкие стебли. На острове не осталось и следов от прежнего сада, цветников, аллей... Все было пустынно и уныло. Груда камней подсказала, где продолжать поиски. Остатки фундамента свинарника обозначили место, где был когда-то господский дом. С.В.Скалон писала: «Небольшой домик дяди был устроен вдали от селения на острове, окруженном тростником и болотистой рекой Хорол. Сад был устроен вроде английского парка: небольшая дорожка шла вокруг острова, покрытого отдельными куртинами больших деревьев и кустарников, и зелеными лужками, усеянными разноцветными полевыми цветами. Домик был окружен клумбами душистых цветов, которыми любила заниматься жена нашего дяди». Где-то здесь она и была похоронена. Но могилу её найти не удалось.

От парка осталась лишь старая маслина, около двух метров в обхвате, несколько чахлах деревьев и кустарник на голом пустыре, где паслись коровы. Пастух, Василий Иванович Перетяка, 1926 года рождения, рассказал, что когда строили

свинарник его заднюю стену ложили на фундамент панского дома, кирпич от которого почти весь выбрали и построили из него дом с погребом на окраине села. Позже я нашел этот дом, который ничем не отличался от стоявших рядом, и был побелен, как стены украинских хат.

Василий Иванович помнил, как в 1954-1955 годах разбирали колокольню в центре села, построенную еще Петром Васильевичем Капнистом в «английском стиле». Из шести человек, которые участвовали в этой работе, жив лишь один – Иван Иванович Наконечный, 1928 года рождения. Церковь окружала высокая каменная ограда с красивыми воротами, покрытая железной кровлей. Что построена она была еще Петром Васильевичем Капнистом, подтверждает в своих воспоминаниях и С.В.Скалон: «Мы часто гостили у нашего дяди Петра Васильевича, жившего от нас в 70 верстах, в деревне Турбайцы, которую он сам устроил, и в которой на каждом шагу можно было встретить доказательства довольства и счастья его крестьян. Деревня состояла из красивых белых домиков с чистыми дворами, со всеми нужными для хозяйства постройками, с сараями, огородами, со скирдами хлеба и сена, занимавшими большую часть дворов. Посреди деревни была выстроена им же хорошенькая церковь, окруженная садом, в которую он постоянно и не смотря ни на какую погоду, ходил пешком по воскресеньям, и где по его просьбе, священник всякий раз должен был говорить проповедь не иначе, как на малороссийском языке, для того, чтобы крестьяне могли его лучше понимать.»

Говорят, что звон с колокольни церкви «було чути у Хоролі». Еще в 1939 году сняли с неё «дзвони» и обрезали крест. Какой-то парень из Павленок, ближайшей деревни, забрался на колокольню и когда крест с шаром от главки упал на землю, из него разлетелось множество летучих мышей.

Полностью церковь разрушили в 1982 году. До этого еще сохранялся один этаж. Где находился спортзал, а потом музей, созданный учителем истории Петром Ларионовичем Закревским, который уже лет десять, как уехал в Кременчуг. Василий Иванович подсказал, у кого в деревне можно спросить его адрес. По его словам, «він багацько знав» и мог бы рассказать мне историю Трубайцев. (Следуя его совету, я разыскал потом нужный дом, но никого там не застал и адрес П.Л.Закревского, к сожалению, не узнал). В музее были вышивки, одежда, чумацкий воз, жернов, сабли, топоры и многое другое, а также фотографии участников войны, которые валялись потом на месте развалин...

Служба в храме продолжалась до 1961 года. Последний священник, Цыганенко Поликарп Иванович, под давлением властей, отрекся от церкви и написал об этом статью в «Колхозную правду». Потом он служил в неведомственной охране в Хороле. До него был священник Марченко. Но при нем церковь закрыть не смогли. Во дворе церкви, в левом углу, находился семейный склеп Капнистов, где было несколько захоронений. По описанию, он был такой же, как в Судаке, который сейчас используют под погреб, на месте, где стоял когда-то дом Капнистов на улице Гагарина, идущей к морю.

В Турбайцах было и старое «панское» кладбище, а через дорогу - для жителей деревни. По словам С.В.Скалон, дом Петра Васильевича «казался приютом

иностранцев, их столько жило там и умерло, что пришлось устроить особенное кладбище, называемое до сих пор немецким».

В своих воспоминаниях Инна Капнист пишет: «Память о нем до сих пор жива в его имени. Крестьяне зовут его «добрый дід», и вспоминают о его времени, как о золотом веке. Он дал им полную свободу и независимость, вмешиваясь в их жизнь, только когда они приходили к нему за советом. Кроме того, объявил, что каждый русский или иностранец может явиться в Трубайцы и жить там сколько угодно, пользуясь широким гостеприимством. К нему пришло много разных людей, о чем до сих пор свидетельствуют иностранные надписи на сельском кладбище в Трубайцах. Несколько лет назад мне привелось видеть там старого садовника, сына пришедших к Петру Васильевичу англичан»

Не очень верилось, что среди жителей, могли сохраниться воспоминания о том времени и жене Петра Васильевича Капниста, Елизавете Тимофеевне Гаусман, племяннице шотландского лорда Лукас, которую он привез из Англии. Но Василий Иванович рассказывал, что предание об англичанке бытует среди жителей деревни. На берегу реки, на острове, не далеко от дома Капниста, был насыпан из земли курган, а на нем поставлена беседка в виде грибка, который скрывал от солнца, и где сидела его жена англичанка, любуясь красотой водной глади, по которой плавали лебеди.

Беседку, конечно, давно разрушили, а землю кургана использовали для дамбы, так что от него не осталось и следа.

«Прелестная англичанка», Елизавета Тимофеевна Гаусман, которую мать П.В.Капниста называла «бедной немой», не понимала русского языка и не хотела его изучать, но добилась того, что почти все дворовые люди говорили по-английски или понимали её.

С.В.Скалон пишет, что в молодости, «говорят, она была очень красива, стройна, очень ловка и неустрашимая наездница». Но она помнила ее уже в пожилом возрасте, очень полной, с завитыми и напудренными волосами; хорошей хозяйкой, которая часто сама готовила «чудесные закуски, разные английские пудинги и другие кушанья». В комнате у нее было множество разных птиц, попугаев, скворцов, канареек и за криком их иногда не было слышно друг друга.

Петр Васильевич её очень любил, но отношения их были несколько странными. Каждое утро он приходил к ней в гостиную и садился в углу, покуривая трубочку, а она обыкновенно начинала жаловаться, то на людей, которые её не слушают, то на управляющего, то, наконец, на него самого за разные безделицы. Все это слушал он равнодушно, как философ, молча, приговаривая только иногда: «Гм, гм!». И докурив трубку и приласкав собачку её или понюхав и похвалив на английском языке цветы, стоявшие перед ней на столе, спокойно выходил из комнаты.

Но была она очень доброй, всегда помогала бедным и лечила усердно и удачно всех, кто просил у неё помощи.

В осеннее и зимнее время дом топили мало, потому что Петр Васильевич, «привыкнув к теплomu климату, не мог и в старости переносить топленых комнат и

потому целый почти день сидел перед камином... во фраке и в шинели, которая была сшита им еще в Лондоне, и в бархатных длинных штиблетах».

«Жизнь его протекала в уединении, - писала С.В.Скалон, - посвященная единственному благу семьи и близких. Управляя имением он только и думал о том, как улучшить и облегчить участь своих крестьян, наделял их по желанию землей, назначая за неё цену самую ничтожную... и таким образом сделал их всех оброчными, не терпя никогда общинной работы. Довольствуясь небольшим, он жил очень скромно, несмотря на то, что имел до тысячи душ».

Елизавета Ипполитовна Новикова (Капнист) вспоминала, что Петр Васильевич был очень образованный и гуманный человек, и, несмотря на крепостное право, его крестьянам жилось легко. Они сами выбирали себе старост и другое начальство, так что по семейным преданиям говорили, что он отличался удивительными причудами.

Вспоминая приезд в Трубайцы, С.В.Скалон пишет о множестве гостей, «гулявших на зеленом лугу. Перед домом и по цветникам», что трудно уже представить, и сообщает интересные подробности: «На другой день, рано утром, множество экипажей стояло уже у крыльца, чтобы ехать к обедне. Возвращаясь из церкви, мы видели толпы крестьян, бежавших в нарядных и пестрых одеждах к господскому дому и на остров, где в разных местах, между деревьями, приготавливались столы для их угощения, где уже играла музыка, и были устроены различные качели. Молодые крестьяне и старики подходили с радостным видом к дяде и тётке, усердно поздравляя с праздником. К вечеру зала в доме, украшенная цветами, освещалась, музыка гремела. И молодежь с нетерпением ожидала танцев. Отец мой обыкновенно открывал бал польским с теткой по всем комнатам; потом начинались экосезы, кадрили с вальсом, манизаски; оканчивался бал всегда матродурой и малороссийским танцем»...

Во время танцев Петр Васильевич обычно сидел на крыльце, наслаждаясь чистым воздухом и ароматом цветов. С двух сторон был разложен огонь, чтобы отгонять комаров, а из дома слышалась музыка...

Хотелось представить это веселье, танцы, кадрили с вальсом, манизаски и матродуру, а на крыльце склоненную фигуру Петра Васильевича в старой английской шинели и бархатных штиблетах... Но пустырь, на котором происходили когда-то все эти события, хранил молчание. Последний раз обошел я остатки фундамента и направился в сторону деревни, куда уже гнали коров. Тяжело ступая, они поднимали пыль и забредали в воду тихой речушки, которая текла неизвестно куда, как и двести лет назад.

Полтавским шляхом. *Трубайцы.*

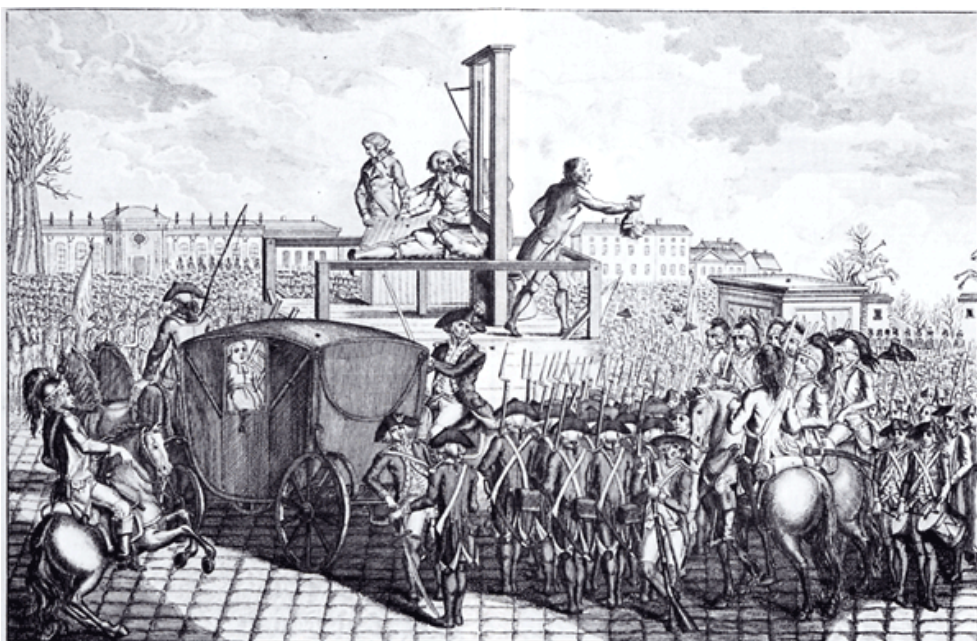
«В 10 часов с небольшим Людовика привели на место казни, которое было сделано между изваянием Людовика XV и так называемыми Елисейскими полями. Людовик взшел на оное с удивительною твёрдостью один. Он был одет в простую белую фуфайку, грудь и шею имел непокровенну, а волосы назади были

Король Людовик XVI

приподняты кверху. Он сам спокойно снял верхнее свое платье и смотря равнодушно на орудие своей казни едва успел сказать громогласно: «Французы! Я умираю не виновен. Прощаю врагов моих; дай Бог, чтобы смерть моя полезна была моему народу...» Он хотел продолжить, но громкий бой барабанов ему в этом воспрепятствовал, и слёзы сострадания лились потоками у большей части зрителей. Тогда повели его к Гильотине, ... в кого полагая главу свою, сказал: «Боже, тебе предаю дух мой». И в мгновение ока отсечена была глава его. В сие время царствовала глубокая тишина. Но один из палачей, взяв голову и показывая оную народу, кричал: «Да здравствует народ и республика». Многие из зрителей

повторяли неистовые слова сии, но множайшие тихо проливали сердечные свои слёзы. Буйные восклицания первых сопровождаемы были другими изъявлениями злости и зверства: они подымали шляпы и шапки свои на копыях и штыках. Иные обмакивали свои копыя, а другие платки в кровь, каплющую от невинного Людовика. Тело тот час было унесено и брошено в яму без всех обрядов погребения должного христианину...»

HINRICHTUNG LUDWIG DES XVI.
Den 21ten Jan. 1793.

Das Bild zeigt die Hinrichtung des Königs Louis XVI. am 21. Januar 1793. Der König wird in einem Karren auf dem Schafot geführt. Die Hinrichtung wird von einer großen Menge Zuschauer beobachtet, die viele auf Speere und Bajonette auf ihre Hüte stecken. Die Szene spielt sich in der Guillotinenstraße in Paris ab.

Мы не знаем, был ли Петр Васильевич Капнист свидетелем этих трагических событий, описанных в книге «Достопамятные деяния и свойства души Людовика XVI короля французского с описанием его кончины», изданной в 1793 году, «в граде святого Петра». По крайней мере, об этом говорится в легендах и семейной хронике, но, нам не раз еще придется в этом усомниться. По счастливой случайности, экземпляр этого редкого издания оказался в Миргородском краеведческом музее. Но была ли это случайность? Демократические мысли проникали тогда в Россию из революционной Франции и будоражили горячие головы. Книга, изданная по следам мятежных событий, в год смерти Людовика, должна была вызвать интерес в самых отдаленных уголках империи, и сочувствие к казненному Людовику.

Казнь состоялась 10 января 1793 года и Петр Васильевич, который по семейному преданию состоял в охране Людовика XVI, мог оказаться на площади среди мятежной толпы. В последний день перед арестом с королем оставались «вернейшие его служители», преданные ему батальоны народной гвардии и швейцарцы, составлявшие «телохранительную охрану», среди которых и мог быть П.В.Капнист. Многих из них умертвили «самым бесчеловечным образом» и «заклали без наименьшего сожаления и пощады», тем более, что швейцарцы, не имея никакого приказа даже не защищались.

По семейному преданию Петр Васильевич покинул Францию после ареста Людовика, но, было ли ли это на самом деле - неизвестно...

Трубайцы или Турбайцы, название это пишут по-разному. Я долго не мог понять об одном ли селе вообще идет речь. Но, все же пришел к выводу, что Турбайцы это более старое его название и изменилось оно, когда утрачен был и забыт первоначальный смысл. Рядом, в Глобинском районе Полтавской области, есть ещё село Турбаи, (Турбаї) где в конце XVIII века крестьяне подняли восстание и убили панов Базилевичей. Происхождение этих названий, видимо, общее. В словаре Даля «турба» – это морда, конское рыло, или храп и губы. Хотя, может быть морда кошки, собаки и другого животного. Так называли в насмешку и человека с неприятным, некрасивым лицом. И все же это не объясняет происхождения названия деревни. Более уместно вспомнить украинско-польское «турба» – беспокойство. Или «турбовать» – беспокоить, тревожить. Видимо это и послужило поводом для названия. В Запорожье уходят его корни, в казацкие вольности... Беспокойные были жители этих мест, непокорные и совершали набеги на польских панов, беспокоили, «турбували» поэтому и называли их - турбаи, турбайцы.

Деревня тянулась вдоль реки. Длинная улица состояла из чистых беленьких хат. Жителей было не видно, и я остановился у одного из домов, надеясь расспросить о Капнистах. Но, как позже убедился, о «Турбайской республике», основанной Петром Васильевичем, никто уже не помнил. Среди жителей сохранились воспоминания лишь о более близких событиях. Не на долго хватило благодарности сельчан за то хорошее, что пытался сделать здесь Петр Васильевич задолго до отмены крепостного права, судя по тому, что осталось от его имени на пустынном острове. Место это он выбрал, видимо, не случайно, за деревней, выше по течению реки, куда не попадали сточные воды, нечистоты и грязь от животных, при стирке белья и купании ребятишек.

Небольшая хата, крытая очеретом, приютилась на краю села. Хозяйка, сгорбленная старушка, с добрым, сморщенным, как печёное яблоко лицом, сидела у калитки, а рядом крутилась рыжая собачонка. Просторный двор был покрыт зелёной травой, резные ставни прикрывали окна, как и у других ближайших хат, и старая яблоня склонилась над дверью.

В доме было чисто. Стены украшали вышитые полотенца, которые обрамляли выцветшие фотографии в чёрных рамках, олеографию с Ильёй-громовержцем, скачущем на огненной колеснице, и старую икону с изображением Печерских святых, «ще з маєтку Капністів».

Старушке, к которой я обратился за расспросами, Ульяне Емельяновне Пыльченко, было уже под девяносто. Родилась она в 1913 году и помнила последнего владельца усадьбы. Называли его почему-то Эполет Эполетович. Это уже потом я выяснил, что владельцем имения в Трубайцах до революции был Ипполит Ипполитович Капнист (1872-1936).

Отца её забрали на Первую мировую войну и он попал в плен к немцам. Осталось их семеро детей, и жили они очень тяжело, «бедовали». Старшая сестра Анастасия Емельяновна, (умерла в 1985 году), которой было тогда 15 лет, пошла работать к пану, рассказывала старушка. Работала она около паровой машины, молотила зерно. А там «курево», пыль... Управляющим у Капниста был Самсон. И вот однажды пан вышел, а она плачет, и говорит он Самсону: «Ты зачем её тут поставил?» И взяли её в панский дом помощницей. Там она и стала служить. Кроме неё был еще дед Хмиль – лакеем, да кухарка.

Ульяна Емельяновна вспоминала, что на острове был круглый бассейн, куда качали воду. Для этого поставили водогон («колесо с зубьями») и построили водокачку. Но её тоже разобрали потом на кирпичи, построили в селе дом и погреб.

Помнила она и склеп Капнистов, где все время горела лампадка, и был сводчатый потолок. «Сундуки» там стояли, в одном из них (справа) «казали дівка». Еще до войны их вынесли, а куда не знает.

Село Большая Поповка лежит в двух-трех километрах от дороги, идущей из Хорол в Миргород. Поповка значится среди имений подаренных царицей Елизаветой Василию Петровичу Капнисту еще в середине XVIII века. Правда, ближе у самой дороги, но километрах в трех по направлению к Хоролу, находится Малая Поповка. И какая из них принадлежала миргородскому полковнику было неизвестно. Решив начать свои поиски с Большой Поповки, как мне казалось более старой, я отправился туда на следующий день, чуть не опоздав на первый автобус, который отходил около шести часов утра.

Дорога к селу вилась длинной лентой, скрытой в тени деревьев. По сторонам тянулись подсолнухи, уже опустившие свои тяжелые «головы». Вскоре показались кресты кладбища, а за ними первые хатки, еще сохранившие колорит Малороссии. Но в деревне встречались и современные дома, возле которых стояли машины. Видно, что горожане приезжали сюда, как на дачу.

Но первые расспросы у старушек не дали ожидаемых результатов. Меня направили в центр села к единственному магазину, где стояла когда-то церковь, и сохранился поповский дом. О Капнистах тут ничего не слышали и говорили, что село это казацкое и помещиков здесь никогда не было. На площади возле магазина шла обычная торговля, несколько лотков с продуктами и необходимыми в деревне товарами, а вдоль забора «развал» Secend Henda. Мне показали поповский дом, который стоял рядом, за памятником жителям села погибшим в годы войны.

Еще не теряя надежду, что это все же дом Капниста, а священник жил в нем гораздо позже, я обошел его вокруг, заглядывая в окна. Потом сфотографировал, стараясь, чтобы он целиком попал в объектив и не мешали подступившие к нему деревья. За стеклами были видны голые стены и верстаки с инструментами, (школа использовала здание под мастерские). Но я не стал обращаться к директору школы, которая жила рядом, ясно было, что внутри ничего интересного не увижу. К дому были сделаны две небольшие пристройки возле каждого входа, и, по словам жителей, совсем недавно.

Позже, разговаривая со старожилками, я узнал, что церковь была «невелика», деревянная, видимо старая, казацкая, с высокой колокольней и «звонами». Полностью снесли её лет двадцать назад, а колокольню

Жители села Большая Поповка, середина XX века.

Жители Большой Поповки во время свадьбы, 1960-е годы.

разрушили еще до войны. «поскідали дзвони», разбивали иконы. Говорят, что-то удалось спасти. Старухи голосили, кидались под трактор. Вспоминали отца Тимофея, который когда закрыли церковь жил «по-соседски» на квартире. Ващенко Ольга Ивановна (1925г. рождения) рассказывала, что однажды, когда там собирались по какому-то поводу гулять, был и её отец. Пели украинские песни и «Ще не вмерла Україна». После этого священника и её отца посадили в тюрьму. Но его вскоре выпустили, а отца Тимофея «катували, устріляли в рота наган і питали, що він співав». Он так и не вернулся.

Был еще дьяк Яков Филиппович и батюшка Егор Степанович. Их могилы с красивыми крестами находились рядом за храмом. На этом месте позже сделали туалет. Когда строили магазин попадалось много костей. Видимо, здесь было старое кладбище (погост), как обычно возле церкви. Говорили, что у попа Егора было трое сыновей. После революции они выехали в Швейцарию.

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона сказано, что «Поповка – местечко Полтавской губернии, миргородского уезда. Жителей 5 тысяч; церковь и школа. Около села добывается хорошая горшечная глина». В реестре населенных мест Полтавской губернии от 1859 г., упоминается еще «Поповский» казачий хутор. В нем было 37 дворов с 82 жителями мужского пола и 97 женского.

Славился храм и своим хором. («Такі були дівчата. Як співали! І тепер як що кого ховають, то є стареньки люди, що співають і ходять у хор»).

Теперь ближайшая церковь находится в Ново-Аврамовке, одна на три села. Добираться туда далеко, но у многих есть машины. Священник там отец Константин, («який молодець, совісна людина»). А как выглядела церковь в Поповке, советовали сходить посмотреть к Афанасию Левченко, который сделал её точную копию из дерева, видимо, пользуясь какими-то фотографиями. Но жил он на другом конце села, где я уже был. И возвращаться не хотелось. О чем я потом, конечно, пожалел. Отзывались о нем хорошо – «мастеровитий дядько».

Пока я говорил со старушками, собралось несколько человек и зашел разговор о прежней жизни. Оказался кто-то и из Малой Поповки и вспомнил, что у них был тот же пан, что и в Ялосовецком. Можно было предположить, что там находилось имение Ростислава Ростиславовича Капниста. Но оказалось, что это не совсем так. (В.Л.Модзалевский упоминает, что 1471 десятина земли в Поповке и деревне Новоселище принадлежали Никите Ростиславовичу Капнисту (р.1877г.), младшему брату расстрелянного в Судаке графа Р.Р.Капниста).

Отличались и фамилии жителей этих сел. В Малой Поповке – Плужник, Сопя, Багно, Сич. А в Большой («Великой») Поповке - Ващенко, Пащенко, Догадайло, Шкарупа. Говорили, что Большая Поповка - казачье село и было построено в окружении болот, чтобы легче было обороняться.

Собравшиеся сравнивали прежнюю жизнь с нынешней: «Колись пани краще ставились до людей ніж теперішні. Якщо бачать, що у жінки багато дітей, то й хату ставлять безплатно». «Таке балакали, та інше». Но мне нужно было спешить в Малую Поповку, а для этого вернуться на трассу и пройти по дороге еще несколько километров.

Полтавским шляхом. *Малая Поповка.*

Меньше чем через час я уже подходил к селу, которое растянулось вдоль дороги. В первом же дворе у какой-то женщины, которая хозяйничала на своем огороде, я спросил, где найти старожилов и она подсказала к кому обратиться. Дальше по улице, через три дома жил старик по фамилии Ватуля, которому было уже за 80 лет. (Жаль, что я не записал его имя и отчество). Он и рассказал мне много интересного о прежней жизни и помещике Малой Поповки.

Экономия его находилась в поле, с километр от деревни. Там были конюшня, амбар, склады. А в Малой Поповке на берегу реки был устроен сад, посредине круг, обсаженный сиренью, а дальше груши и яблони. Тут же находился и ледник, на 5 кубических метров, куда на лето закладывали лёд. Его использовали ещё до войны и хранили там молоко.

Голода в Малой Поповке до революции никогда не было. Хоть и случались неурожайные годы. За селом был построен «магазин», где сохраняли хлеб на всякий случай, рассчитывая запас на год, на всех. И если к весне у кого хлеба не хватает, «позичают», а потом отдают.

В экономии у Капниста кормили хорошо. Он нанимал людей косить, отдавая им одну копну, за три скошенных. Построил школу, оплачивал её и содержал учителя, которому платил 25 рублей. Приезжал каждый раз на Новый год и делал детям подарки. Вообще все были о нем самого хорошего мнения.

Две семьи, рассказывал мой собеседник, Ватули и Третьяки, были переселены из Трубайцев, видимо, в очень отдаленные времена. У его дедушки Емельяна Васильевича Ватули, который умер в 1934 году, восьмидесяти лет, было шесть сыновей и три дочери. Граф помог дать им образование, отправил учиться. Один из них, Федор, закончил керамическое училище в Миргороде, Николай – ремесленное в Хороле, где учился 4 года. Тогда это считалось очень хорошим образованием, и к такому специалисту относились с уважением. А самый старший, Семен, выучился на ветеринара.

Жаль, что тогда я не располагал нужными сведениями, найденными потом в Интернете, и не мог рассказать ему о его предках. В ревизии Миргородского полка Хорольской сотни от 1723 года среди жителей села Трубайцы упоминается «посполитый можнийший» Ничипор Ватуля. А в реестре 1752 года - «Ватуля Грицко з братами Тимошем и Федором», видимо, сыновья Ничипора.

Сохранилось предание о том, что когда «вышла воля». В 1861 году, все кто работал в поле «покидали худобу» и побежали в село. Известие об этом привез вестовой. Один только дед Цюра пригнал волов в воловню и навел везде порядок. За это пан подарил ему волов.

Наверное, это был отец Никиты Ростиславовича – Ростислав Ильич (1830-1879). Сын его, Никита Ростиславович, родился лишь в 1877 году. Видимо о нем следующая история.

Отец его, Зиновий Емельянович, служил в царской армии, воевал и был награжден двумя Георгиевскими крестами. Один из которых ему лично вручал Брусилов, и медалью «300 лет Дома Романовых». А брат его деда. Фома Васильевич Ватуля, когда вернулся с русско-японской войны, а служили тогда по несколько лет, застал жену уже с ребенком, которого она родила от графа Капниста. Она работала у него горничной. Бил муж её крепко, но рожденный от графа мальчик остался в семье. Было ему тогда уже несколько лет

Можно было бы и не поверить в эту историю, но, по его словам, сын Фомы Ватули был высокого роста, здоровый, «але млявий і неповоротний». Да и Капнисты, как он рассказывал, «були худі та слабі», потому что не ели простой пищи, «лизали і їли тіки конфети». Сразу вспоминается Мария Капнист, со своей характерной внешностью, и внук её Юра. И такой же худощавый и высокий брат её Григорий Ростиславович, да и отец их Ростислав Ростиславович

Мария Ростиславовна Капнист
с братом Григорием

Капнист обладал теми же врожденными признаками, как, наверное, и брат его Никита. владелец Малой Поповки. По словам Скалон из детей Миргородского полковника и бригадира Василия Петровича Капниста только Николай был полным, а все остальные сохранили внешние черты своих предков, выходцев с острова Занте.

Конечно, причина здесь была не в изысканных кушаньях, а скорее всего по своей природе они были худощавы и высокого роста, что выдавало и в сыне Фомы Ватули внебрачного ребенка графа Капниста. Звали его Сергей, и он давно умер, а сын его Алёша не вернулся с войны.

Можно предполагать, что он был сыном Никиты Ростиславовича Капниста, хотя... Т.Бридун в книге «Хорол і його повіт» сообщает, что Ростислав Ростиславович Капнист купил все земли, более 700 десятин, у своего младшего брата Никиты Ростиславовича, но когда это произошло не указывает. Так что помещиком в Малой Поповке до революции был и Ростислав Ростиславович Капнист. От кого из них был ребенок у горничной остается загадкой.

Много еще рассказывал старик Ватуля. Например, про деда Ивана Оселедько, (возможно казацкая фамилия от слова оселедець – длинный чуб на бритой голове), который умер в возрасте 104 лет, во время голода 1933 года. Когда он был уже парнем, все ещё ходил в одной рубахе без штанов, как все ребятишки. Однажды работал в экономии и, задрав рубаху, носил в ней песок («пеленою пісок носив»), а управляющий заметил, что он далеко уже не ребенок и сказал матери, что пора его отдавать на работу. Его послали «погоничем до волочильника» (волами землю равнять). Дед Оселедько был большой физической силы, и об этом ходило много легенд.

О владельце Малой Поповки я больше ничего не узнал, кроме того, что приезжал он обычно на шестерке лошадей. Да и расспрашивать больше было не у кого. В другом конце села жила ещё «старенька» Параска Третьяк (Третьяк), 95 лет, но она вряд ли что-то помнила («вже не годиться, слаба»).

В то время мне ещё не было известно, что Никита Ростиславович Капнист погиб в июне 1920 года в Крыму. Он был убит «бандитами» по дороге из Феодосии в Судак, еще до расстрела его брата Р.Р.Капниста.

Попрошавшись со стариком Ватулей, и пожелав ему здоровья, я направился к автобусной остановке. Здесь встретил еще одну старушку, имя которой так и не успел спросить. Узнав, что я интересуюсь графом Капнистом, она рассказала, что когда её мама училась в школе, он подарил ей куклу, которая потом долго хранилась у них в семье. Но больше я ничего не успел узнать. Подъехал «Икарус» и вскоре осталась далеко позади Малая Поповка, а за пыльным стеклом замелькали поля и деревья. Но уставший, откинув голову на спинку сидения, я видел только бесконечное небо, вспоминая события этого утомительного дня.

Признаться, для меня было неожиданностью, что в Полтавской губернии было имение Ростислава Ростиславовича Капниста, о котором известно только, что он имел дом в Судаке, а большую часть времени жил в Петербурге, где и родилась Мария Ростиславовна. Подозреваю, что и она могла этого не знать, по крайней мере, никогда об этом не упоминала. Ведь, когда был расстрелян в 1921 году её отец, ей было чуть более пяти лет. Правда, она могла слышать об этом от своей матери, которая умерла в 1945 году, или братьев. Хотя, делиться такой информацией в то время было неосмотрительно. По крайней мере, её приезды на Полтавщину ограничивались Обуховкой. И ни в Трубайцах, ни в Елизаветино, ни в других бывших имениях Капнистов она никогда не была.

В книге «Весь Петроград» за 1915 год указан адрес Ростислава Ростиславовича Капниста – улица Захарьевская, 41. Там же проживала и его жена «графиня Анастасия Дмитриевна», о которой сказано, что она «председатель Комиссии приюта для девиц Литовско-Рождественского отделения общества попечения о бедных».

В Петербурге было еще несколько домов принадлежавших Капнистам. В «Адресной книге» С.Петербурга на 1897 год упоминается графиня Вера Васильевна Капнист, классная дама в Ксениевском институте, проживавшая по адресу ул. Галерная, 2; граф Дмитрий Алексеевич Капнист, сенатор, директор Азиатского Департамента МИД – ул. Мойка, 26; графиня Надежда Алексеевна Капнист, владевшая домами по адресу – Английский проспект, 50 и ул. Галерная, 51, где проживал и сенатор граф Петр Алексеевич Капнист; граф Петр Иванович Капнист, камергер – Николаевская наб., 6.

В книге «Весь Петроград» за 1915 год, кроме Анастасии Дмитриевны Байдак и Р.Р.Капниста, так же упоминаются графиня Вера Васильевна Капнист, но уже по адресу Маненский пер. 20; граф Дмитрий Павлович Капнист, член Государственной Думы – ул. Почтамтская, 19; граф Ипполит Ипполитович Капнист, камергер-юнкер – ул. Сергиевская, 40; по этому же адресу графиня Мария Альфредовна Капнист, дамский лазарет комитета Российского общества Красного Креста; графиня Надежда Алексеевна Капнист и графиня Маргарита Петровна Капнист, фрейлина – ул. Галерная, 51; графиня Ольга Васильевна Капнист, работавшая в канцелярии Гос. Думы – ул. Таврическая, 29, и граф Алексей Васильевич Капнист – Английская наб., 12.

В «Малороссийском родословнике» (1910г.) В.Л.Модзалевский сообщает, что Ростислав Ростиславович Капнист родился 20 февраля 1875 года и у него в Хорольском уезде Полтавской губернии, при деревне Елизаветино, 680 десятин земли. Сведения эти относятся к 1903 году, то есть до женитьбы его на Анастасии Дмитриевне Байдак. Свадьба их состоялась в 1904 году.

Но мои попытки найти на карте в Хорольском районе и прилегающих местах Елизаветино были тщетны. Селения с таким названием просто не было. Правда, в многотомном издании «Истории городов и сел Украины» в Полтавской области встречается село Ялосовецкое, центр сельского совета, в который входит и Бригадировка. О нём сказано, что во время революции 1905 - 1907 годов здесь произошло выступление крестьян против Капниста. Восстание «придушили каратели». Вспомнил я, что и в Трубайцах мне говорили об имении Капниста в Ялосовецком, которое отстоит от них всего в пяти верстах. Но название это не

Царица Елизавета

казалось мне таким старым, скорее ассоциировалось с чем-то «советским». И я еще не был уверен, в том ли направлении веду поиск.

Разобраться в этом помогла мне заместитель директора по научной части Миргородского краеведческого музея Людмила Александровна Розсоха, которая не раз оказывала мне помощь в работе. Оказывается Ялосовеца и Елизавета – это одно и то же в украинском просторечии. Теперь уже не оставалось сомнений, что мне не миновать этой поездки в бывшее имение Ростислава Ростиславовича Капниста, чтобы узнать, что от него осталось.

Собираясь в Ялосовецкое, я пытался предположить, почему село получило такое название. Имя Елизавета было не редким в семье Капнистов – Елизавета Ивановна Магденко, жена

Ильи Петровича Капниста, Елизавета Васильевна Магденко, жена его сына Ипполита, Елизаветой звали и жену Ипполита Ипполитовича, владельца имения в Трубайцах. Была, правда, еще одна Елизавета – царица, но среди подаренных ею В.П.Капнисту имений на Полтавщине Елизаветино не значилось. Существует легенда, которая у некоторых исследователей вызывает сомнения, что Елизавета приехала в имение к В.П.Капнисту, и в честь неё село получило это название.

Но сомнения мои разрешила Елизавета Ипполитовна Новикова (Капнист). В семейной хронике она писала, что жена Ильи Петровича Капниста, Елизавета Ивановна Магденко, умерла рано, в 1836 году, родив 10 детей и прожив в браке всего 11 лет. Она была дочерью Ивана Андреевича и Марии Ивановны Магденко, но воспитывалась у богатой и своенравной тётки Настасьи Андреевны Руденковой. Умерла она в Долголёвке, имении Капнистов рядом с Трубайцами. Её мертвую посадили в карету и увезли в Трубайцы, где она была похоронена в семейном склепе возле церкви. Оставшись один, Илья Петрович жил в Трубайцах, а лето проводил в Долголёвке, где построил летний дом. А около Бригадировки он «устроил имение Елизаветино, и посадил там сад с чудными аллеями». Видимо и название ему он дал по имени рано умершей жены.

Добравшись на том же автобусе рано утром до Киевской трассы, я поблагодарил водителя и успел добежать до «Икаруса», который остановился на перекрестке, метрах в 50, и вскоре, километров через 12, был на повороте в Ялосовецкое, а дальше пешком по проселочной дороге, и через полчаса оказался в центре села.

Сверх всяких ожиданий, мне сразу указали, где находится «панский дом». Но его не было видно за другими постройками. Пытаясь к нему пройти, я обратился к мужчине в ближайшем дворе и узнал от него больше, чем мог предполагать.

Звали его Андрей Андреевич Тютя. Он рассказал, что его дед Мефодий Митрофанович Тютя (1890-1981), по прозвищу Михно, прошел семь войн, а его

отец Митрофан Тютя был «гонцом» (почтальоном) у графа Капниста, возил документы, отчеты к нему в Петербург. За одну поездку он платил ему 2 рубля. Жил он «добре», «кубрячив» (гулял, куролесил), но умер рано, в 47 лет, а его отец, прапрадед Андрея Андреевича, дожил до 115 лет и скончался в 1936 году.

Дед рассказывал, что в село приезжала царица Елизавета. Это как бы подтверждало уже существующую легенду, но так ли это неизвестно.

Существует похожая легенда, записанная М.Р.Капнист, о том, что царица Елизавета посещала Обуховку. Но исследователь жизни В.В.Капниста Владимир Шевченко считал, что не Елизавета была в Обуховке, а Софья Андреевна Дунина-Борковская после смерти мужа, убитого в битве при Гросс-Эгерсдорфе, была приглашена ко двору Елизаветой, о чем сообщал ей в письме 13 января 1963г.

От Андрея Андреевича я узнал, что в селе был хороший музей, который создал бывший директор школы Василий Иванович Макуха. Там находились вышивки, одежда, предметы быта и даже долблёная лодка. А на улице, под открытым небом, были выставлены плуг, косилки, сноповязалки и другой хозяйственный инвентарь.

Для музея отвели отдельное здание, которое отапливалось, но после отъезда Василия Ивановича в Полтаву, в 1993 году, где его сын открыл частную школу, все пришло в запустение. Экспонаты перенесли в школу, где что-то еще сохранилось в подвале и в кабинетах. Мне хотелось, конечно, увидеть, что осталось от музея, но, к сожалению, сделать я это не успел.

Тютя Мефодий Митрофанович (Михно), 1890-1981гг. с жителями с.Ялосовецкое

Андрей Андреевич рассказал, как найти дом Капниста, но предупредил, что он полуразрушен и только в одной части его живут люди. Пройдя метров двести, я увидел длинное здание, заросшее чуть не до крыши кустарником, с пустыми провалами на месте окон, и сразу догадался, что это и есть дом, который помнит, наверное, Ростислава Ростиславовича Капниста, его красавицу жену Анастасию Байдак,

а может быть и маленькую Миру, будущую актрису Марию Капнист.

Вдоль него тянулась аллея из старых деревьев. Сохранилась и часть дороги, выложенная булыжником, которая, образуя круг, огибала небольшую возвышенность, около десяти метров в диаметре. Здесь была, наверное, цветущая клумба в те далекие времена. Можно было представить. Как подъезжали сюда экипажи, и выходили из них нарядные дамы и кавалеры. Ведь непременно проходили здесь какие-то праздники и съезжались гости.

Через дыру в стене здания я попал внутрь и только тут смог понять всю степень его разрушения. Пол был усеян обломками кирпичей. Попадались и целые, которые не успели растащить, от разобранных перегородок и «голландских» печей. Видимо, здание стояло брошенное давно, и каждый брал, что хотел. Исчезли оконные рамы и двери, в потолке зиял огромный пролом, осыпалась штукатурка, и было видно, что перекрытие из досок и бревен подбито вместо дранки простым «очеретом».

При определенной доле фантазии, можно было угадать и назначение комнат. Большой зал, куда я попал, мог предназначаться для танцев, дальше – спальни с закопченными углами от разобранных печей.

На одном из кирпичей, валявшихся на полу, я заметил какие-то буквы и, подняв его, прочел «Р.К.» (Ростислав Капнист). Это все, что напоминало здесь о расстрелянном в Судаке графе Капнисте. (Хотя, может быть, что кирпичи для печей были заказаны еще его отцом, тоже Ростиславом Капнистом). Ничего не оставалось делать, как взять его с собой на память об этой поездке, как экспонат для будущего музея.

Сделав план комнат, и выбравшись наружу, я сфотографировал украшавшие здание пилястры по углам и готические арки окон. Выбирая место для съемки, я не заметил, что привлек внимание обитателей жилой части дома. Ко мне подошел мужчина, который жил здесь со своей семьей и рассказал, что раньше в помещицьем доме был клуб, потом контора совхоза, а там, где он теперь живет, занимая примерно третью часть здания, находилась бухгалтерия, а при Капнисте размещалась кухня.

Благодаря тому, что он здесь поселился, комнаты

сохранили прежний вид, и не были разрушены. Уцелели полукруглые двери с фигурными рамами, белая кафельная печь. И даже привезенный им с собой громоздкий диван начала XIX века в стиле классицизма и старинные часы на стене казались здесь, кстати, и дополняли обстановку. Да и сам он был не равнодушен к истории и мечтал сделать у себя если не музей, то хотя бы уголок, посвященный Капнистам, о которых собирал сведения, фотографии и газетные вырезки.

Звали моего нового знакомого Анатолий Георгиевич Лучинский. Жил он в этом доме с женой Валентиной Ивановной, дочерью Таней и сыном Андреем с 1998 года. По образованию он был учитель и около года работал старшим научным сотрудником в музее под Полтавой, в Ковалёвке, где в имении графа Трепке разворачивались события, описанные в «Педагогической поэме». Музей создавался в 1988 году к 100-летию со дня рождения Макаренко. Там была школа-интернат, сохранились старые дома и постройки.

Он рассказал, что в 1995 году приезжал кто-то из потомков Капниста. Их было три человека. Один из них высокий, борода с проседью. Но Анатолий Георгиевич постеснялся к ним подойти. Они осмотрели дом, который был еще в лучшем состоянии, окрестности и ходили к Мостовой, которая живет «на гори». Мне тоже захотелось с ней встретиться, и сын его Андрей взялся проводить меня к ней. По пути я имел возможность увидеть всю красоту окружающей местности.

В сотне шагов от дома Капниста, за высокими деревьями, уцелевшими от старого парка, открывался прекрасный вид на заливной луг, по которому бродили коровы, спускаясь к ставку с тихой гладью.

Раньше таких ставок было три. Их разделяли дамбы, в прошлом перегородившие мелкую речушку. Но от второго ставка осталась лишь низина, поросшая кочками, а третий совсем высох. Сюда от дома Капниста вела аллея, и были посажены орехи. Теперь это место застроено домами, и нам пришлось обходить вокруг. При Капнистах посредине ставка был небольшой круглый островок, огороженный землей. Там стоял деревянный «грибок», видимо, такой же, как в Трубайцах, и находилась купальня. Рассказывали, что однажды, когда Анастасия Дмитриевна, жена Р.Р.Капниста, купалась, кто-то украл у неё шляпку. Наверное, шляпка была красивая, и трудно было справиться с искушением.

Анастасия Дмитриевна отличалась любовью к роскошным нарядам, которыми шокировала многих и в Судаке, в голодные 20-е годы. Отзывы

о ней сохранились самые разные и часто не очень доброжелательные. Но Т.Бридун, описывая Ялосовецкое в книге «Хорол і його повіт», изданной еще до революции, восторженно отзываясь о жене Р.Р.Капниста: «Анастасія Дмитрівна дуже привітна й гостинна. Челядь службовці дуже люблять її за гарне відношення до людей. У неї мається в Херсонській губернії 4100 десятин пустопорожньої землі, яку вона здає в аренду. В останній час землю арендує її чоловік по нотаріальній умові».

Анастасія Дмитриевна Байдак, жена Р.Р.Капниста, происходила из древнего казачьего рода, где, по семейной легенде, переплелись фамилии Серко и Полуботка.

Вообще «байдак» - это речное судно на Днепре и его притоках с одной мачтой и одним большим парусом, длиной 15-20 сажень и шириной 2-4 сажени, которое перевозило 10-15 тысяч пудов груза. (Видимо, отсюда и слово «байдарка»). Байдаком в Запорожской сечи могли называть строившего такой корабль или водившего его по реке. Но в то же время «байдак» - это буян, озорник. Байдаки бить – бить баклуши, слоняться без дела. Известна поговорка – «У нас дураков семь байдаков, а угол не почат». Фёдор Байдак упоминается в документах 1764 года «Архива Коша Запорожской сечи» (Киев, 1994г.). В деле про «побиття пограбування» товарищами из Копеливского куреня Федором Байдаком и Федором Динцем товарища Пашковского куреня Ивана Гараджу, которого они «тяжко побили й пограбували у Новому Кодаку». После обследования побоев, Кош «ухвалив покарати винних киями» и удовлетворил претензии И.Гараджи. Был ли этот Байдак предком Анастасии Дмитриевны, сказать не могу. Её отец Дмитрий Георгиевич (Григорьевич) Байдак был женат на Елизавете Петровне Пинкорнелли (1856-1930), которая была дочерью Анастасии Ильиничны Капнист, одной из дочерей Ильи Петровича Капниста, сына Петра Васильевича Капниста. Так «тесен мир»... Но в семье Капнистов такие «родственные» браки были не редкость. И сам Ростислав Ростиславович, поскольку был внуком Ильи Петровича Капниста, приходился своей жене... двоюродным дядей, а матери своей жены Елизавете Петровне Пинкорнелли – двоюродным братом.

Родовое имение Дмитрия Георгиевича Байдака – Байдаковка, находилось в Екатеринославской губернии. В 1922 году оно было переименовано в Холодненьку, (в честь большевика А.А.Холодни). Расположено оно в 32 километрах от районного центра Пятихатки. По изысканиям историка Николая Чабана, (Днепропетровск), посвятившим своё исследование этому дворянскому роду, в 1790 году в селе была построена деревянная церковь, «тщанием» Ивана Григорьевича Байдака. У его внука Григория Андреевича Байдака бывал в имении известный историк Яворницкий, с которым он вел переписку. В издании «Русское служилое

дворянство» (СПБ, 2003г.) упоминается Иван Григорьевич Байдак (в 1780-81) и Яков Андреевич Байдак (1796). В документах упоминается, что Дмитрий Байдак, предположительно отец Анастасии Дмитриевны, был старостой местной церкви в 1889-1893 годах, и, видимо, умер в конце XIX века.

Т.Бридун пишет, что Ялосовецкое находится «за три версты від Бригадирівки, в напрямку до Хоролу... При ньому знаходиться садиба та 1500 десятин Чудової землі, що належить графу Ростиславу Ростиславовичу Капністу... В садибі розкішний парк, не показний, але досить великий і затишний будинок, багато і різних будівель, що обслуговують потреби економії. Тут же в садибі знаходиться купальня, збудована сучасним власником».

Интересна для нас и его характеристика владельца имения: «Ростислав Ростиславович скромна, акуратна людина, гарний господар, сам веде велике господарство. Він здається єдиний з поміщиків, що не зменшив, а навпаки, збільшив свої земельні володіння, купивши 27 десятин землі в Котляревської й усю землю, біля 700 десятин у свого брата Микити Ростиславовича. Господарство ведеться звичайне зернове, але з великим толком, завдяки чому приносить власникові значний прибуток». Т.Бридун соощаєт и неизвестные нам факты биографии Р.Р.Капниста, видимо, с его слов. Он пише, что Ростислав Ростиславович окончил реальную школу, затем поступил практикантом в Диканскую экономию князя Кочубея «для надбання знання по сільському господарству. Завдяки тому, що він уважно відносився до справи, ця практика дала йому значне знання по сільському господарству, з якими він і почав господарювати в маєткові, що дістався йому»

Он упоминает также, что отец и мать Ростислава Ростиславовича умерли рано, и до совершеннолетия их детей имение находилось в опеке. Опекуном сирот был брат их отца Петр Ильич Капнист (1826-1899), а управляющим имения Георгий Иванович Гаршкевич.

В его описании имение Капниста выглядит очень привлекательно: «Село Ялосовецкое досить приємне враження робить своїм виглядом. Двори огорожено деревами, хати просторі, дуже чисто та чепурно утримуються. Ялосовецьки селяни крім наделів мають ще землю, що придбана через селянський банк. Крім того вони мають постійний заробіток у економії, де ведеться велике господарство». Это описание Ростислава Ростиславовича Капниста и его деятельности отличается от образа созданного Аделаидой Герцик в «Подвальных очерках». Но она писала художественное произведение и могла по своему усмотрению расставить акценты, для создания нужного образа. Хотя, не лестные отзывы о графе Р.Р.Капнисте встречаются и в воспоминаниях Н.Стевен.

Минут через десять мы подходили к дому «на горі», где жила Анастасия Ивановна Мостова (Горева). Ей было уже 80 лет. Она усадила меня во дворе на скамью, простелив «лантух» (чувал), а проше - мешок, и рассказала, что «приїздили хлопці», потомки Капниста, и одного звали, кажется, Пётр. Но с таким именем не было никого среди детей и внуков Ростислава Ростиславовича. Старшая дочь Лиза умерла вскоре после его смерти. Сын Василий утонул в море и его привез в Судак из Коктебеля М.Волошин. Григорий жил в Ярославле. Дети его – Ростислав,

Василий и Наташа. У Андрея также дочь – Тамара, а у Марии Ростиславовны – Рада и её дети Ростислав и Георгий. Приехавшие могли быть потомками кого-либо из братьев Р.Р.Капниста. Они ходили смотреть так же «хати Нестерівські», местных богачей...

Управляющим у Капниста был «дядько» её матери дед Омелько. Он наблюдал, кто и как работает в поле, сажит картошку и т.д. Если видел, что старательная работница говорил: «Ты можешь завтра не выходить». А где работы не видно: «А ты, чтобы быстрее сажала». – «Де як».

Рассказывала Анастасия Ивановна о том, как они выживали во время голода в 1932-1933 годах. Ели листья с вишни, с акациями, сушили брагу, делали блинчики с ячменя, с кукурузы, с овса. («То такі добрі блинчики були»).

Узнал я и интересные для меня подробности о том, что сосед её, дед Иосип Мазур, отвозил на лошадях после революции семью Капниста в Крым, видимо в Феодосию, но они не успели на пароход. Он уже отошел от берега. Не ясно, к какому времени относятся эти события. Видимо, к периоду массового отъезда Белой армии из Крыма. А осенью 1917 года Р.Р.Капнист находился с семьёй в Судаке. В путеводителе по Хоролу (1969г.) читаем: «Селяни виганяли керуючих приказчиків з поміщицьких економій і призначали відданих революції людей. Управляючий мастком Капниста у розпачи телеграфував графу: «12 листопада 1917 року. Термінова з Хорола. Судак, дача Байдак, Капнисту. Рада і товариство управляючим призначили Івана, сина кухаря. Вимагають від мене негайно передати кассу і майно. Я безсилий. Ваш приїзд необхідний. Солод».

Ростислав Ростиславович вряд ли воспользовался этим приглашением, понимая, что изменить уже ничего не сможет. И в Судаке было не безопасно. Видимо, поэтому он пытался вывезти семью за границу. Но, попытка эта была, по неясным для нас причинам, неудачной и запоздалой. Через три года он будет расстрелян на горе Алчак. Жена его, Анастасия Дмитриевна, в 1929 году, в период раскулачивания, успеет уехать с детьми из Судака, переодев их в татарскую одежду. Умерт она вскоре после войны. А младшая дочь расстрелянного графа - Мира, будущая актриса Мария Капнист, еще много лет будет нести свой тяжкий крест в сталинских лагерях, расплачиваясь за достойную жизнь предков. И сбудется проклятие отца красавицы Сальмы, проклявшего род Капнистов до «седьмого колена». Рассеется он по миру, как и представители многих других знатных фамилий.

«Син кухаря», Иван Михайлович Солодовниченко стал первым руководителем советского хозяйства в Ялосовецком. Не мне вам объяснять, чем закончился, а главное – сколько человеческих жизней унёс великий эксперимент. Да и сегодня мы живем во время далеко не предсказуемое и не столь уж безоблачное...

В тот же день я решил побывать в Бригадировке, которая находилась километрах в пяти от Ялосовецкого и относилась к тому же сельскому совету. Уж очень заманчиво было её название, напоминающее о бригадире Василии Петровиче Капнисте, хотя в списке имений, подаренных ему Елизаветой, она не значилась. Как оказалось, прошлое села довольно туманно и нет уверенности, что название его имеет отношение к Капнистам.

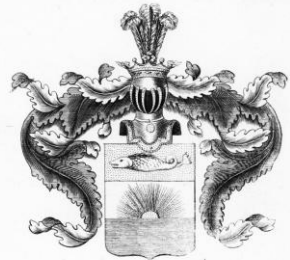
В книге «Хорол і його повіт» Т.Бридун пишет: «За пять верст від Радиванівки, у напрямку Хоролу, по балці з похилими берегами розкинулось невелике, дворів на сто, село Бригадировка. Селище це не давнє. Воно виникло лише в кінці XVIII ст. генерал Шамшев, которому в той час тут належала земля, заселив тут слободу людьми, що зіймалися з усіх боків. Він мабуть заклав садибу, яка тепер складатися з невеличкого парку и великої кількості гарних господарських будівель».

Но я не был бы так уверен относительно парка и построек. Действительно генерал-майор, а до этого бригадир, Александр Яковлевич Шамшев владел Бригадировкой в конце XVIII века и мог быть её основателем. (Шамшевы происходили от казанского князя Шамсея, взятого русскими в плен весной 1552 года, и пожалованы в российское дворянство в 1630г.). Но уже в начале 1800-х годов селение принадлежало Петру Васильевичу Капнисту. Как оно перешло к нему, было продано или иными путями, Т.Бридун не поясняет. В 1811 году им была построена здесь церковь в готическом стиле, как и в Трубайцах, которая так же не сохранилась.

В.Л.Модзалевский в «Малороссийском родословнике» (1910), перечисляя селения, пожалованные 15 июня 1743 года Василию Петровичу Капнисту царицей Елизаветой, называет Манжелию, Обуховку, Зуевцы, Трубайцы и Поповку (всего 152 двора), добавляет к этому, что он «поселил» (то есть основал) деревни Ломаную, Пески, Николаевку, Васильевку, Пузикову и... Бригадировку («Холодная тожь»). Бригадировка упоминается и под прежним своим наименованием, полученным по названию реки Холодная, на берегу которой расположена. Ошибается ли Модзалевский, приписывая В.П.Капнисту основание Бригадировки? Или Шамшев владел ею уже позже, после его смерти, на правах опекуна, управляющего или еще каким-либо неизвестным нам образом, в то время когда Петр Васильевич Капнист был в многолетних скитаниях за границей, в Голландии, Франции и Англии.

По другим сведениям среди сел, полученных в приданное Софьей Андреевной Дуниной-Барковской, женой бригадира Василия Петровича Капниста, значатся Николаевка, Васильевка, Пузиковка и... Холодное. Так прежде называлась

ГЕРБЪ РОДА ШАМШЕВЫХЪ.

Дунины-Борковскіе.

Бригадировка. И, возможно, Василий Петрович Капнист не основал её, а переселил в уже существующее селение крестьян из других мест. Тогда история её возникновения более древняя и запутанная.

Софья Андреевна Дунина-Барковская похоронена в Манжелии, имени старшего сына Николая Васильевича Капниста, которому завещала лучшие земли и все драгоценности. Туда и перевезли после смерти в Обуховке её прах. Сколько она прожила, неизвестно, как и время её рождения. Но в письмах В.В.Капниста конца XVIII века она не упоминается.

В Манжелии я не был. Она находится гораздо дальше от Миргорода. Интересно, что в Манжелии родился Герой Советского Союза Алексей Емельянович Чайка, именем которого названа школа в Судаке, где я создавал свой музей, к сожалению, уже не существующий. В Манжелии в школе тоже был создан музей, братом Алексея Емельяновича, в экспозиции которого есть материалы посвященные А.Е.Чайке. Так необычно через много лет вновь переплелись история Полтавщины и Судака.

А работая в краеведческом музее в Миргороде, где мне любезно предоставили все нужные материалы, обратил внимание, что над столом, где я делал свои записи, висит пейзаж с видом Судакской крепости художника С.И.Куссия, (пару работ которого хранится и у меня), подаренный прежним мэром, еще в 90-е годы, с надписью: «Городу Миргороду от города Судака в знак дружбы и плодотворного сотрудничества на долгие годы». Неисповедимы пути Господни. А я то думал, что забрался, чуть ли не на «край земли», и чувствовал себя первооткрывателем...

Василий Петрович «получая грамоты на владения, не закрепощал украинских крестьян-козаков, а оставлял в козацком сословии и фактическими пользователями земель, даже записал 76 своих крепостных в вольные козаки».

В.Л.Модзалевский указывает, что в 1802 году, после раздела имущества отца, Петр Васильевич Капнист получил, кроме других населенных мест и... Бригадировку, в которой было к тому времени 324 «души» мужского пола и 287 – женского. И, ни каких сведений о другом владельце.

Александр Петрович Шамшев был женат на Катерине Петровне Апостол (1750-1824), внучке гетмана Данилы Апостола. Жил он больше в Петербурге, приезжая лишь летом на Полтавщину. Его сын Петр Александрович в 1835-1841 годах был предводителем дворянства Миргородского уезда. Говорят, что селяне любили А.Я.Шамшева и плакали, провожая его, когда он покидал Бригадировку.

Бригадировка знаменита тем, что здесь, еще во времена А.Я.Шамшева, скрывался известный украинский разбойник Семен Гаркуша, которого народная молва сделала героем, защитником обездоленных. Упоминание о нём находим в книге «Архів Коша Запорожско Січі», (опис справ 1713-1776р.р.), изданной в Киеве в 1994 году. В ней сообщается о «справе про розшуки Харка (Захарка) Гаркуши з товарищами», (1762-1766), обвинявшихся «у захопленні коней». (Они перегоняли украденных на Запорожье коней и нападали на купеческие караваны).

О Гаркуше написано несколько книг. Первая из них – роман В.Т.Нарежного «Гаркуша, малороссийский разбойник» вышла в 1829 году уже после смерти автора. Сообщает о нем и энциклопедия Брокгауза и Эфрона.

Родился он в селе Березань в Белоруссии в 1739 году, в семье крепостного. С детских лет испытывал голод и лишения. С 9 лет вместе с запорожцами, которые продавали рыбу, скитался по Украине. Потом появился в Запорожской сечи. Принимал участие в русско-турецкой войне 1768-1774 годов, был ранен под Хаджибеем. А после выздоровления возглавил отряд казаков и беглых крепостных, нападая на богатые хутора, грабил польских панов и наводил ужас на всю Гетманщину и Слободскую Украину. В 1775 году был пойман и отправлен в Сибирь, но бежал и вновь стал во главе отряда разбойников. Схваченный второй раз был отправлен в Москву, где был бит кнутами (280 ударов), и отправлен на каторгу. Ему вырвали ноздри, но он вновь бежал. В 1784 году опять был пойман в Ромнах и сослан на вечное поселение в Херсон. О дальнейшей судьбе его неизвестно.

Легенда, которую помещает в своей книге Т.Бредун, рассказывает, что где-то в 1784 году, (хотя, эта дата вызывает сомнение), Гаркуша «переслідуемый владою за вчинені злодійства», направился на Херсонщину и далее, с целью найти себе место для поселения и укрыться от власти. Дойдя до речки Холодной, где, (как пишет Т.Бридун), еще только зарождалась Бригадировка, он зашел в шинок, и в разговоре с шинкарем узнал, что Шамшев заселяет здесь слободу, в которой на то время было только 13 дворов. Всё разузнав, Гаркуша купил у какого-то поселенца хату и остался тут жить. Так, никем не признанный, он прожил около двух с половиной лет. Но потом власти стало известно о его местопребывании и ему пришлось бежать из Бригадировки.

Не ясно, к какому времени на самом деле относится эта легенда. Было ли это в 1784 году, когда он был осужден третий раз, и можно ли предполагать, что ему все же удалось скрыться, и он не погиб на каторге?

Т.Бридун сообщает так же о том, что в Бригадировке живут «нащадки» англичанина, который приехал из Англии вместе с Петром Васильевичем Капнистом, что они «зовсім охохлилися», и если бы не фамилия Керквуд, то ничего не напоминало бы об их английском происхождении.

Писалось это сто лет назад и трудно было представить, что и сегодня в Бригадировке можно встретить потомков англичанина, приехавшего с П.В.Капнистом.

Расстояние в пять километров, конечно, не большое, но вряд ли бы я успел, в тот же день, побывать в Бригадировке, если бы Анатолий Георгиевич Лучинский не предложил мне помощь. Он отвез меня на своей машине. Быстро промелькнули поля и окраина деревни, уцелевший панский дом, и, проехав по длинной улице, мы остановились у дома... Керквуда.

Хозяин дома, Степан Иванович Керквуд, был уже на пенсии. Родился он в 1937 году. В 1990-е годы работал Головой Хорольского сельского совета и Головой Хорольской районной администрации. Начинал он свою трудовую деятельность трактористом, служил в армии, в парашютно-десантном полку, потом был

бригадиром тракторной бригады, механиком, председателем исполкома Ялосовецкого сельского совета. В 1970-е годы он окончил Полтавский сельхозинститут. Работал главным инженером и был ведущим специалистом совхоза. Жизнь знал не понаслышке, был близок к земле, вступил в Социалистическую партию Украины и, на очередных выборах, поддержал А.А.Мороза, который обещал перемены в сельском хозяйстве.

Степан Иванович оказался хлебосольным хозяином. Тут же на столе, на открытой веранде тенистого сада, появились «огірки», шмат доброго сала и припасенная для гостей горилка. В общем, наша увлекательная беседа походила на кадры известного фильма про Шурика. Только я собирал не тосты, а интересовался историей его необычной фамилии и родного села. И Степан Иванович не мог отпустить меня просто так, рассказывая всё новые и новые интересные подробности. Правда, записи в моей тетради, по мере выпитого, становились менее разборчивыми. И когда пришлось их потом разбирать, скажу честно, понять я мог не все. А на память, в той ситуации, надеяться было сложно.

Степан Иванович рассказал, что к английской фамилии имеет не совсем прямое отношение. Его прадед Петр Иванович Захарченко в 12 лет «був відданий у найми до переселенців з Шотландії, які прибули на Україну за запрошенням царя у 1842 р. Прізвище тих переселенців було Керквуд».

Служил он им лет десять верой и правдой. У них не было наследника, а только одна дочь, которая вскоре умерла. А в это время Петру Ивановичу нужно было идти в рекруты. Он оставался единственным кормильцем. И когда хозяйка заболела, хотела усыновить его, переписать на него имение и дать свою фамилию. Муж её поклялся, что примет Петра Ивановича, как сына. Но после смерти жены выгнал его из дома.

Кстати, в прошлое время, если у какого-то дворянина не было наследника, он мог передать свою фамилию и титул какому-нибудь племяннику или дальнему родственнику, а то и просто случайному человеку. Но, видимо, в этой ситуации все ограничилось только фамилией, поскольку муж хозяйки не сдержал своего обещания. Сам он вскоре уехал из Бригадировки, кажется в Лубны.

Дед Степана Ивановича, Иван Петрович, носивший уже фамилию Керквуд, родился в 1869 году. Он был убит немцами в 1941 году. Бабушка, Параскева Федоровна Керквуд, родилась в 1870 и прожила до 1969 года. Она и воспитывала Степана Ивановича, отец которого тоже погиб на фронте.

Из рассказа Степана Ивановича следует, что Керквуды приехали в Россию из Швейцарии в 1842 году, уже после смерти Петра Васильевича Капниста. Но, видимо, это не совсем так. Вот что пишет об этом Елизавета Новикова (Капнист), сестра Ипполита Ипполитовича Капниста: «Вернувшись в Россию, Петр Васильевич получил в наследство имение Трубайцы... Так как Елизавета Тимофеевна скучала в Трубайцах, не зная русского языка, прадед в один день, не говоря никому не слова, уехал в Англию и через несколько месяцев привез оттуда племянницу жены Марию и чету Керкут (так написано у Новиковой). Старуха Керкут потом была няней у моего отца и у его братьев и сестер». По словам Елизаветы Ипполитовны, Керкуты

(Керквуды) похоронены на острове в Трубайцах, вместе с женой Петра Васильевича и её племянницей.

Рассказал Степан Иванович и ещё одну интересную историю. Дед его жены Максим Иванович Сапа был водителем на машине у Ипполита Ипполитовича Капниста, которому до революции, так же, как и Трубайцы, принадлежала Бригадировка. Здесь у него было большое хозяйство и конезавод с сотней породистых лошадей.

В 1904 году Капнист привез в село первую механическую сноповязалку. До этого снопы вязали руками. Привезли ящик со всеми механизмами и стали собирать. За это сложное дело и взялся Максим Иванович. До этого он три года проработал в кузнице и с машинами дела не имел. Но, разобрался, куда поставить какой болт и какую гайку. Ипполит Ипполитович увидел его работу, позвал к себе и говорит: «Хочешь, я сделаю из тебя человека?» И забрал он Максима Ивановича с собой в Италию на какие-то курсы, где он, отучившись, получил удостоверение под №400. Это ещё раз говорит о том, как немного тогда было специалистов, которые в то время очень ценились. Да и на нашей памяти, профессия инженер значила гораздо больше, чем сегодня.

Возил он его на машине в Петербург и в Полтавской губернии по разным делам. Ведь Ипполит Ипполитович был Членом Государственной Думы. А когда началась первая Мировая война был Членом Военного Совета и ездил с инспекторскими проверками. Максим Иванович рассказывал: «Повезу його в Думу, а він каже, - Максим, до барышні відвези. А коли цілий день в Думі, то баришню на побачення. А самі, як голуби. Тільки знав».

Эти бесхитростные воспоминания не рисуют, конечно, полный образ Ипполита Ипполитовича Капниста. Еще задолго до свержения самодержавия, он говорил Максиму Ивановичу, что «царь долго не просуществует». Он, конечно, предвидел это, как Член Государственной Думы.

Когда свершилась революция, Ипполит Ипполитович уехал в Италию, где и умер в 1936 году.

В Государственной Думе он был лидером октябристов, председателем комиссии по сельскому хозяйству и постоянным докладчиком по аграрному законодательству. В эмиграции И.И.Капнист продолжал много работать и был членом правления Российского Центрального Объединения.

В некрологе, опубликованном во Франции после его смерти сказано, что «по духовному своему облику он был человеком кристальной чистоты, прекрасно образованный, непоколебимый в своих убеждениях, пользовался всеобщим

*Графъ Ипполитъ Ипполитовичъ
Капнистъ
Членъ Государственной Думы*

уважением и любовью». Упоминалось также, что он был прекрасным сельским хозяином и что Хозяйство в его имении было поставлено образцово.

Панихида по графу И.И.Капнисту проходила в Александро-Невском соборе, в Париже, в котором он, последние 15 лет, был членом приходского совета и вкладывал много сил в заботу о храме. Проститься с ним пришлось множество людей. Храм был переполнен. Тело И.И.Капниста упоало в живых цветах.

Дед Максим Иванович остался в Бригадировке и работал машинистом молотилки. Его выбрали в актив разбирать экономию – конезавод, свиновод и т.д. Но, когда пришли немцы в 1918 году, вернулся И.И.Капнист, перевел все свои ценности в золото и отправил за границу.

При советской власти, ещё до войны, дед Максим Иванович возил на машине первого секретаря райкома в Багачке. (Тогда Бригадировка относилась к Багачанскому району).

Солнце клонилось к вечеру и, несмотря на гостеприимство хозяина дома, нужно было возвращаться в Миргород.

Я простился со Степаном Ивановичем и отправился в путь. До трассы было чуть больше километра. Дошел я быстро и не долго ждал автобус. Но на повороте к Миргороду пришлось простоять часа полтора. Попутных машин не было, и я уже потерял надежду, но тут остановился какой-то грузовик и я с наслаждением устроился на сидении рядом с водителем. По сторонам дороги проносились поля подсолнухов, редкие деревни, а ближе к городу появились местные путаны на обочине, не навязчивые атрибуты пейзажа нового времени.

У меня остались самые теплые воспоминания от общения со Степаном Ивановичем Керквудом. Через несколько лет, на его семидесятилетие, я послал ему поздравительную открытку с упоминанием о нашей встрече. Но помнил ли он меня, и дошла ли открытка не знаю...

Полтавским шляхом.

Обуховка.

Поездку в Обуховку я отложил на воскресенье, чтобы отправиться туда вместе с женой, когда в санатории нет различных процедур, которыми она была занята всю неделю. Сам я ограничился только приёмом целебной миргородской воды и был более свободен.

Это был последний день нашего пребывания на курорте. В понедельник мы уезжали в Крым, и другой возможности побывать на могиле Марии Ростиславовны Капнист и её знаменитого предка просто не было. Сразу после завтрака мы отправились на автостанцию к единственному автобусу, который отходил на Гадяч в 9 часов утра и проезжал Обуховку. Времени у нас было мало. Нужно было успеть на этот же автобус, который, возвращаясь назад, должен был забрать нас около двух часов дня.

Путешествие предвещало много интересного – встречу с Сорочинцами, гоголевскими местами. Оставив позади Миргород и минуя поворот на Хомулец, имение Муравьевых-Апостолов, мы вскоре увидели нарядные выбеленные хатки под соломой и ветряк, которые появились недавно, как по-волшебству, на месте будущей ярмарки. К сожалению, она должна была начаться только через неделю. Но и сейчас проехать по дороге было невозможно. Торговля развернулась прямо на обочине, мешая движению автобуса.

Почти полвека тому назад Мария Ростиславовна Капнист приехала сюда впервые после освобождения. В статье «Далёкое и близкое» («Вечерний Киев», 13.10.1958г.) она писала: «Який чарівний, який розкішний літній день у Малоросії – писав колись М.В.Гоголь. Ці його слова мимоволі прийшли мені на пам'ять, коли я підїжджала до Великих Сорочинців Миргородського району на Полтавщині. Думалось ще: багатий цей район на пам'ятники культури. Тут народився М.Гоголь, брати-декабристи Муравйови-Апостоли, П.Мирний, В.Капніст. На батьківщину мого далекого предка я й їхала. Хоч багато чого змінилось за ці десятки літ, все ж я пізнала деякі картини природи, про які читала в творах Гоголя».

(Когда писались эти строчки, Мария Ростиславовна искренне заблуждалась, считая, что ведет свою родословную от Василия Капниста, много делая для сохранения его памяти. Но, занимаясь историей своего рода, она выяснила, что её предком является старший брат поэта Петр Васильевич Капнист, что несколько не умаляет её вклада в культурное наследие знаменитой фамилии. Позже, в своих выступлениях и публикациях она исправила эту ошибку, продолжая быть горячей поклонницей великого поэта, и делая все, что было в её силах для популяризации его творчества. В последние годы эту подвижническую деятельность продолжает её дочь Рада. Её усилиями, благодаря созданному вместе с А.Иваницким «Фонду памяти Капнистов», в 2008 году в Обуховке был установлен памятник В.Капнисту).

Мария Ростиславовна верила, что «ніколи не зарасте народна стежка» к этим местам. Но, когда мы спросили в санатории, есть ли экскурсии в Обуховку, то увидели на лицах администрации лишь удивление. Здесь об этом и не слышали. Да и в автобусе, как это не покажется странным, когда

Рада Капнист выступает на вечере памяти В.Капниста, к его 250-летию.

Выступление М.Р.Капнист на праздновании 200-летия со дня рождения В.В.Капниста, 1958г.

пытались узнать, где лучше выйти, никто не смог нам помочь и не знал, где находится могила поэта, что наводило на грустные мысли.

За несколько километров до Обуховки дорога неожиданно стала подниматься в гору, как бы карабкаясь на плато, и вскоре показались первые крыши домов. Улица спускалась к реке, а за дамбой вновь устремлялась вверх. Выйдя из автобуса у крайней хаты, мы спросили у первого встречного, как пройти к могиле Василия Васильевича Капниста. Нам повезло, он оказался человек знающий и общительный, и не только объяснил, но, видя нашу нерешительность, взялся проводить к нужному месту. Выше по дороге, не доходя метров сто до края возвышенности, мы свернули в лес через небольшой деревянный мостик, который в прежние времена имел перила, и... углубились в темные аллеи.

Но вернемся вновь к воспоминаниям С.В.Скалон, дочери В.В.Капниста, которая писала об отце, что «по вечерам, после ужина... он любил гулять в саду, водил нас по темным аллеям». И ещё: «Обыкновенно, после прогулок, мы все с работами, с рисованием и другими занятиями, собирались в гостиную и залу, ибо нам строго запрещали оставаться по своим комнатам. Отец очень любил, когда все мы бывали в сборе; обычно, в это время, он приносил большие букеты цветов, часто сам убирая ими наши головы. Он просыпался рано и лежал до десяти часов в постели, занимаясь своими сочинениями, всегда прося, чтобы в это время никто и ничем его не тревожил. Потом, одевшись в серенький фрак..., и взяв фуражку и палочку,

отправлялся в сад, который его очень занимал и в котором он любил устраивать всегда что-нибудь новое».

Софья Васильевна рассказывала, что, гуляя по парку, отец часто отдыхал на берегу реки под старым деревом, роскошным берестом, который очень любил и посвятил ему свои стихи. А когда дерево упало в воду, тайно от всех велел вытащить его, распилить на доски и сохранить их для своего гроба. Об этом узнали только после его смерти. Желание Василия Васильевича было исполнено и дерево, которое укрывало его тенью от зноя, сохраняло «прах его и после смерти».

Могила В.В.Капниста находилась на небольшой площадке, уступе горы, окруженной деревьями. Выше, среди кустарников, были видны следы ям и провалы в земле – остатки семейного кладбища и склепов, потревоженные грабителями. Наш попутчик, которого звали Василий, рассказал легенду о том, что в одном из склепов, глубоко под землей, висел гроб на золотых цепях. А однажды учительница, приведя школьников к могиле В.В.Капниста, обнаружила под плитой на склоне золотые часы. Сведения эти конечно сомнительные и не знаю насколько им можно верить. От старых захоронений ничего не осталось и уже трудно предполагать, кто из Капнистов нашел здесь покой.

В одном из писем, (27 марта 1819 года И.А.Пукалову), Василий Васильевич Капнист писал: «Стареюсь, хирею, и как скоро весна придет, то в саду моём начну рыться в земле, пока меня в неё зароят».

У могилы Василия Васильевича Капниста было тихо и светло. Здесь давно видно никто не бывал, но вокруг было чисто и не видно следов запустения. Правда, обелиск на месте захоронения его отца, полковника и бригадира, мы нашли не сразу. Пришлось спуститься еще ниже по заросшей тропинке, отгибая ветви и путаясь в высокой траве, пока мы увидели это место.

Битва при Гросс-Эгерсдорфе.

По преданию, здесь была захоронена только рука, которую нашли на месте битвы, сжимавшую саблю, и узнали по перстню.

По описанию Инны Капнист, во время битвы при Гросс-Эгерсдорфе войска русских были разделены немцами на две колонны и окружены. Василий Петрович Капнист находился в это время с казаками возле обоза, и, услышав шум сражения, поскакал со своей бригадой на помощь войску. Напав на ряды неприятеля с тыла,

смешал их, навел панику и полетел к укреплениям, чтобы взять редут. Вскочив верхом на бастион, он схватился обеими руками за пушку, чтобы её заклепать, но подоспевшие в эту минуту пруссаки отрубили ему руки и тяжело ранили в голову. Русская армия, таким образом, была спасена, но бригадира Капниста нашли после сражения изрубленным возле пушек. Эти подробности рассказал его вестовой, верный ему казак Чернобровиц, сопровождавший Василия Петровича в сражении. Он и привез вдове Капниста чепрак, украшавший лошадь, весь шитый золотом, с золотыми орлами на углах, и шпагу, усыпанную драгоценными камнями, которые хранились потом в семье Капнистов, но пропали в вихре революции.

Мария Ростиславовна вспоминала, что в детстве играла этой саблей, усыпанной бриллиантами, подаренной Василию Петровичу еще царицей Елизаветой. Василий Капнист написал о ней оду «На меч моего отца».

Существует легенда, которая передавалась из поколения в поколение в семье Капнистов, что мать поэта Василия Васильевича Капниста была не Дунина-Барковская, а крымская турчанка Сальма. Запись её сохранилась в архиве Марии Ростиславовны. Это красивая, романтическая история. Но трудно судить, что в ней правда, а что – вымысел. Легенда рассказывает, что однажды отец поэта возвращался с охоты и увидел девушку необыкновенной красоты, набирающую воду из горного источника. Он спрятался, затаив дыхание, и на следующий день снова был там «с трепетным сердцем». И попросил у неё напиток. Так зародилась огромная, необыкновенная любовь.

У могилы В.В.Капниста и Марии Ростиславовны Капнист, Обуховка, 2002г.

Василию Петровичу было тогда 54 года, а девушке-мусульманке Сальме - 16 лет. Встречи у источника продолжались год. Василий Петрович признался девушке в любви и предложил в подарок замок со множеством комнат. Но Сальма сказала, что войдет в него только его женой. Пришлось признаться, что он уже женат и у него пятеро сыновей. Но Сальма была непреклонна.

Так у Василия Петровича появилась вторая жена. Она приняла христианство. Жили они в бывшем граде Солдаёе, теперешнем Судаке, в старинном генуэзском замке. (Я не оговорился. Так гласит легенда). Мать Сальмы приносила в дом ковры и подушки и постепенно комната её приобрела мусульманский вид. Сальма первая узнала о гибели Василия Петровича в семилетней войне, в то время, как ждала ребенка и 22 октября родила сына Василия.

Во многих источниках указываются разные даты рождения поэта – 12 (23 по новому стилю) февраля 1758 го да, 12 ноября 1758г., а также 1757 и даже 1756 годы. Но сам поэт дает ответ на этот вопрос, (если, конечно, он ему известен), в одном из писем жене, отправленном из Москвы 14 февраля 1788 года:

«Мой милый друг! Сегодня ночью отъезжаю в Петербург... Задержался здесь на 4 дня, чтобы отдохнуть с дороги и насладиться приятным, дружеским обществом семейства графа Воронцова... Я у них провел день своего рождения... Вот, дорогой друг, и прошли 30 лет жизни моей, половина жизненного пути».

Этим письмом В.В.Капнист подтверждает дату своего рождения – 12 (23) февраля 1758 года.

Но вернемся к легенде. Сальма, поняв, что никогда больше не увидит любимого человека, написала жене Капниста, Дуниной-Барковской: «...вот теперь только я могу сказать тебе, что я тоже была его женой, и у нас есть сын, которого я отдаю тебе – свою самую большую драгоценность. Ты должна его воспитать не хуже своих сыновей... Когда ты получишь это письмо меня уже не будет среди живых». Дунина-Барковская приняла и усыновила ребенка, а Сальма бросилась с высокой скалы в море.

Мария Ростиславовна Капнист с жителями Обуховки, 1958г.

Не правда ли, красивая история? Похожая на многие другие о Девичьей башне бытующие в Судаке. (Кто только не бросался здесь в море с высокой скалы. Вот только «долететь» до него нельзя, далеко береговая линия, а только разбиться о скалы). Не удивлюсь, если окажется, что сам Василий Васильевич Капнист её и написал. А если серьёзно, то она требует глубокого исследования. И начать нужно с того, мог ли вообще Василий Петрович в начале 1750-х годов оказаться в Судаке. Но... на

Актриса М.Р.Капнист
фото Александра Оверченко

этот вопрос ответа нет. Скорее всего, это мало вероятно, учитывая политическую обстановку тогда в Крыму. Правда, он мог быть здесь раньше, когда участвовал в походах Миниха. Тогда он был женат на гречанке дочери купца Согден. Женился он на ней в 1830-х годах, будучи наказным сотником Изюмского полка по совету своего приёмного отца Павлюка. Не ясно, звали ли так гречанку или купца, а может быть – дочери купца из Сугдеи?.. Странное созвучие имени и названия города. И может быть здесь ответ на многие вопросы.

Елизавета Ипполитовна Новикова (Капнист) писала: «Бабушка тоже говорила об этой турчанке, но, как о первой жене Василия Петровича. Она любила сидеть по-турецки и курить. Иногда говорили, что у мамы её фатализм».

Может быть и правда, не было юной мусульманки, а была Сальма – дочь греческого купца из Сугдеи. Первая жена В.П.Капниста, от которой у него было два сына Данило и Ананий. О них почти ничего не известно. Некоторые авторы пишут, что она умерла и, оставшись вдовцом, Василий Петрович женился на Дуниной-Барковской. Но, так ли это, и есть ли основания для таких утверждений?

Но и существование крымской турчанки Сальмы мы отрицать пока не можем.

Тогда не редкостью было, что привозили себе из походов восточных красавиц. Вспомним хотя бы поэта Василия Андреевича Жуковского, который был незаконнорожденным сыном А.И.Булгина и турчанки Сальхи, взятой в плен под Бендерами. Да, «чего далеко ходить», и моя прапрабабушка, по семейной легенде, была турчанкой и привезена с русско-турецкой войны 1829-30 годов.

Пытался разобраться в этой истории и Владимир Шевченко, работая над книгой о В.В.Капнисте, который, вопреки другим исследователям, поддерживал версию рождения поэта от Сальмы. Вот, что он писал Марии Ростиславовне Капнист 28 июня 1963 года: «Проследим этот эпизод. В апреле 1756 года, в протоколе Конференции о подготовке к войне армии и флота встречаем: «...нарядя ещё...четыре тысячи слободских казаков при Бригадире Капнисте. (ЦГИАЛ, ф.178, д.1, л.л.108-113). 18 апреля 1756года в протоколе Конференции опять упоминается соединение слободских казаков. (ЦГИДА, ф.178, д.1, л.134). «Расписание Русской Армии по дивизиям и полкам», июнь 1757 года - опять слободские полки Капниста. (ЦГВИА, ф.ВУА, д.1657 «С», л.л. 326-27об.). И уже из приказа дежурного генерал-майора П.И.Панина войскам от 18 августа 1757года, перед Гросс-Егерсдорфом, указан порядок следования слободских казаков: «... и быть в ведомстве бригадира Капниста». (ЦГВИА, ф.ВУА, д.1657 «С», л.л. 163-164). Таким образом, Капниста уже не было в Обуховке весной 1757 года, ибо с апреля-мая он находился в действующей армии, т.е. в Пруссии».

Исходя из этого, Дунина-Барковская не могла быть матерью поэта, если только в дате его рождения нет ошибки, или... он был записан в церковных книгах уже позже, через несколько месяцев после того, как появился на свет.

Я хотел найти Владимира Шевченко в Миргороде по адресу на конверте письма Марии Ростиславовне. Но в этом доме его не помнили, ведь прошло сорок лет, видимо он только снимал там квартиру, приезжая из Киева, где, скорее всего, жил.

Могила Марии Ростиславовны находилась рядом с надгробием поэта, Василия Васильевича Капниста, за ажурной оградой, на которой правда уже успели сбить украшения по углам в виде шишек и часть орнамента.

Положив на могилу Марии Ростиславовны скромные колокольчики, сорванные по пути, мы присели рядом, пытаюсь представить, как десять лет назад, поздней осенью, уже к вечеру привезли сюда её прах и, прощаясь с ней, оставили свечи на свежем холмике, которые долго еще горели в темном лесу, пока не погасла последняя...

Дом Капнистов в Обуховке, построенный в 1914г., разрушен в 1922г.

Наш проводник объяснил, как найти место, где стоял помещичий дом и, протившись с нами, отправился в деревню. Следуя его указаниям, пришлось вернуться немного назад и пройти вправо по старой давно нехоженой дороге, усыпанной листьями.

Трудно описать то, что представилось нашим глазам. Огромные ямы зияли на месте прежних построек. Ещё угадывались следы фундамента, и можно было определить размер зданий и расположение комнат, но

камень был полностью выбран и, видимо, очень давно. Толстые деревья успели вырасти из основания стен. Позже я узнал, что дом этот был построен в 1914 году, но простоял не долго. В 1922 году его разрушили.

Это было красивое двухэтажное здание с террасой и парком. Рядом находился еще один котлован, возможно каретный сарай или какая-то хозяйственная постройка, и дальше несколько ям...

После революции в помещичьем сарае открыли клуб. Начался раздел земли, имение было разграблено. А в феврале в Обуховке установилась советская власть.

Последний владелец имения, Дмитрий Алексеевич Капнист, появился в Обуховке летом 1918 года, когда пришли австро-немецкие войска и гайдамаки. Он дал распоряжение, чтобы все взятое в усадьбе вернули. Но это, конечно, не выполнили и возможно у жителей села еще сохранились вещи, принадлежавшие Капнистам. Хотя, здесь прошла война, и многие дома были полностью уничтожены.

У Дмитрия Алексеевича был брат Павел и сестра Эмилия, названные так по имени родителей их отца Алексея Павловича, капитана 2 ранга. Который родился в Москве 17 мая 1871 года. Он был женат на Ольге Константиновне Лишиной. Его брат Дмитрий Павлович служил товарищем прокурора. А их отец, Павел Алексеевич, родился 28 июня 1842 года, окончил курс Московского университета. Затем поступил на службу и вскоре женился на Эмили Алексеевне Лопухиной, дочери камер-юнкера. В 1879 году он уже действительный статский советник, затем тайный советник и попечитель Московского учебного округа, а с 1885 года сенатор. Он был известен, как писатель по вопросам образования. В Полтавской губернии у него имелось 1300 десятин земли. Умер Павел Алексеевич 19 октября 1904 года. Его сестра, Александра Алексеевна (родилась в 1845г.), была замужем за известным писателем Борисом Николаевичем Чичериным, а Мария Алексеевна (родилась в 1848г.) – жена Василия Аркадьевича Кочубея, камергера Двора. Все они, наверное, бывали в Обуховке, которая принадлежала в то время их старшему брату Петру Алексеевичу Капнисту, родившемуся в 1839 году. За ним числилось в Обуховке 998 десятин земли. Умер он, как и его брат Павел Алексеевич, в 1904 году, но ровно через месяц, день в день – 19 ноября.

Он также окончил Московский университет, был действительным статским советником, затем он камер-юнкер, камергер, советник посольства в Париже, действительный тайный советник, сенатор и чрезвычайный и полномочный посол при Австро-Венгерском Дворе. Кажется, у него не было сыновей, поэтому имение в Обуховке перешло к детям его брата, а затем к Дмитрию Алексеевичу Капнисту, его последнему владельцу.

Обуховка всегда была любима и желанна всеми Капнистами. Да и сам Василий Васильевич говорил, что если бы она ему не досталась, то он бы, наверное, уехал в Америку, как писала его дочь С.В.Скалон. Она рассказывала в своих воспоминаниях, что через несколько лет после смерти В.В.Капниста, когда братья её приступили к разделу имения, каждый из них желал иметь её для себя, и мать их Александра Алексеевна Дьякова, предложила им делить по жребию. Они согласились и Обуховка досталась, «как следовало по закону», младшему брату Алексею, который, «получив её, от радости бросаясь на могилу отца, плакал, как ребенок». Так Алексей Васильевич Капнист, сын поэта, стал владельцем Обуховки, а потом она перешла к его потомкам, о которых мы уже вспомнили.

Многих, кто бывал здесь, приводили в восхищение эти места Гавриил Романович Державин, который был женат на сестре жены Василия Васильевича Капниста, говорил, что «был бы счастлив, если бы мог жить в таком месте, где, по мнению его, всё дышит поэтическим вдохновением», вспоминала С.В.Скалон. Бывал здесь и Г.Сковорода, который по преданию был учителем малолетнего Василия Капниста.

Но и Державин, и сам Капнист, и все кто потом с честью носили его фамилию, наверное, пришли бы в ужас, если бы знали во что превратили их любимое имение. Только ни зияющие пропасти на месте построек, ни разграбленное и уничтоженное кладбище и фамильные склепы, ни запущенный парк не привели бы их в такое отчаяние, как то, что они увидели бы на месте дома, где жил поэт...

Вернемся ещё раз к воспоминаниям С.В.Скалон, которая писала: «Все́м известно, что Малороссия считается одним из лучших краёв России, по своему умеренному климату, по богатой растительности и по живописным местам, которыми славятся берега и окрестности Днепра; живописные места встречаются и по быстрой, прозрачной. Извилистой реке Псе́лле... В одной из таких местностей, на правом берегу Псе́лла, на уступе горы, покрытой густым лесом, до сих пор стоит ещё небольшой домик, крытый соломой и защищенный от севера горою, тот самый домик, который мой отец описал в одном

из своих стихотворений, начинавшемся так:

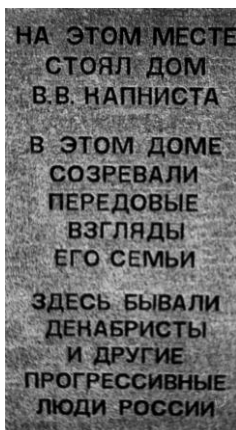
«Приютный дом мой под соломой,
Ты мне ни низок, ни высок,
Для дружбы есть в нём уголок...»

Из окон этого дома открывалась даль «верст на двадцать, покрытая лугами и селениями». Дом этот берегли, как святыню. Кстати, построен он был братом поэта Петром Васильевичем Капнистом. С.В.Скалон вспоминает, что когда отец по службе должен был жить в Петербурге, а мать её, Александра Алексеевна, с семейством жила в Обуховке, «по какому-то случаю сгорел старый дом», и мать её переехала жить к Петру Васильевичу, который и помог ей выстроить в Обуховке тот дом, в котором они потом жили. Видимо, его изображение и сохранилось на декоративных фарфоровых тарелках XIX века рядом со стихами поэта. Сегодня на этом месте те же ямы от фундамента, заросшие деревьями, куда окрестные жители и приезжающие дачники сваливают мусор.

Жители ближайших домов, в основном, приезжие. Те, кого я спрашивал, и не знали, где могила В.В.Капниста. Что им до его памяти...

Правда, рядом, возле этой свалки мусора, установлена плита с надписью, где говорится, что на этом месте стоял дом В.В.Капниста, в котором бывали декабристы и «другие прогрессивные люди России». Но, судя по следам цемента у основания плиты, её уже пытались свалить «благодарные потомки», и, наверное, позже появилась железная ограда от вандалов, поржавевшая и неокрашенная.

С грустными мыслями мы покидали это место. Не удивительно, что сюда не водят экскурсии. Это должно быть стыдно показывать. Вспомнилось Шахматово, Ясная Поляна, Тарханы, Михайловское и другие святые для каждого

человека места. Ведь и здесь можно расчистить дорожки, вырубить дикие заросли, заново отстроить дом по старым рисункам и наполнить его экспонатами, вдохнуть жизнь в этот нежно любимый поэтом уголок.

Когда мы собрались уходить, начался страшный ураган, ветер валил с ног и тяжелые тучи грозили обрушиться ливнем. Мы бросились бежать, чтобы найти укрытие от дождя, но после первых капель выглянуло солнце и потоки воды пролились уже где-то далеко за рекой.

Это казалось каким-то знаком, ведь описание такого дождя в Обуховке есть у С.В.Скалон: «Но, откуда ни возьмись – страшная гроза с вихрем и проливным дождём: все вскочили и бросились было бежать...»

Спустившись по улице, мы спросили у жителей, где находится музей. Нам объяснили, но советовали прежде найти директора музея Виталия Ивановича Скрибника, поскольку был выходной и вряд ли он будет на месте. Дом его стоял за дамбой в конце улицы. Но, когда я открыл калитку, понял, что пришёл не вовремя. Все были заняты хозяйственными работами, а Виталий Иванович давил сок из яблок и руки его были по локоть в сладком месиве. Но, он сразу согласился показать нам музей, а узнав, что у нас совсем мало времени до отхода автобуса, выкатил свою машину и мы быстро доехали к небольшому деревянному зданию в центре села. То, что оказалось внутри, нас приятно поразило. Экспозиция охватывала все периоды истории села, и часть её была посвящена В.Капнисту. Музей был организован еще в 1965 году. У истоков его стоял Михаил Андреевич Брага, которого нет уже среди живых.

Виталий Иванович был знаком с моими публикациями о Капнистах, благодаря Раде, дочери Марии Ростиславовны, из которых, по его словам, узнал много нового. Поэтому у нас сразу сложились хорошие отношения, и он позволил сфотографировать несколько снимков, которые находились в витринах музея, в том числе старые фотографии Обуховки, дома Капнистов, построенного в 1914 году, на месте которого мы были, и портрет Марии Ростиславовны, исполненный художником Юрием Никитиным, подаренный им музею. Уже знакомый нам по газетным публикациям, он производил хорошее впечатление и был, несомненно, удачен.

Виталий Иванович рассказывал, что несколько лет назад приезжал потомок графа Капниста Джованни из Венеции.

Тогда я отнесся к этой информации без особого внимания, не очень надеясь, что смогу что-то узнать о Джованни Капнисте. Но, через несколько лет, когда работал над этой книгой, решил поискать сведения о нем в Интернете. И мне повезло. Еще в

1998 году, когда Джованни приезжал в Обуховку, у него взяла интервью корреспондент газеты «День» Ванда Ковальская и написала статью о Капнисте из Венеции, в которой читаем: «Джованни принадлежит к ветви династии, исходящей от прапрадеда Петра Николаевича Капниста, полковника императорской гвардии, и его жены Екатерины Д'Аллоновиль, внучки маршала фон Мюнниха, который был военачальником российской армии времен царствования Анны Иоанновны. Их сын Михаил Петрович служил полномочным послом России в Венеции и погиб в дорожном инциденте в 1908 году. Сын посла, дед графа Джованни, был директором банка в Рио-де-Жанейро и в 20-х годах вернулся в Венецию».

В 1998 году Джованни Капнисту было 50 лет. Он врач-гематолог. Имеет дочь Лавинию и двоих сыновей — Микеле и Григорио.

Генерал-фельдмаршал Христофор Антонович Миних (1683-1767) вошел в русскую историю, как выдающийся военный и хозяйственный деятель.

Граф Арман Франсуа де Аланвиль (1764-1853) в 1797 году, вместе с эмигрантской армией принца Конде, был принят в России, где жил до воцарения во Франции Людовика XVIII. На дочери Аллонвиля Екатерине Армановне и был женат Петр Николаевич Капнист.

Среди вещей, которые принадлежали Капнистам, в музее находится небольшой шкаф, что-то из посуды и красивый женский портрет в круглой раме, возможно, кого-то из членов семьи последнего владельца имения.

Мы узнали, что село существовало ещё в 1621 году, о чем сообщают архивные документы, и называлось тогда... Бухаловка. В то время там уже был селитровый завод. Но находки каменного топора, наконечников стрел и фрагментов керамики говорит о том, что поселение было здесь гораздо раньше.

В середине XVII века сюда переселились беженцы с правобережной Украины из Обухово и Канева. В документах 1658 года село уже значилось, как Обухово. В 1631 году оно принадлежало польскому помещику Бартоломео Обалковскому, в 1640-х годах им владели паны Вишневецкие, в 1716 году получил гетманский писарь Григорий Отвинский, а в 1723 году оно было передано есаулу Якимовичу. В то время Обуховка имела 116 дворов и входила в Сорочинскую сотню. В 1743 году царица Елизавета подарила её Василию Петровичу Капнисту и с тех пор она передавалась его потомкам из поколения в поколение.

Мне, конечно, не удалось посетить все имения, которые принадлежали когда-то

Юрий Никитин, портрет Марии Капнист.

миргородскому полковнику и бригадиру В.П.Капнисту. Их еще много упоминается в разных документах. В реестре сёл, которые находились «на том боку Днепра», составленном до 1749г., записана деревня называемая Чернецкая, а ныне Даниловка, полковника миргородского Василия Капниста. Дворов более 30. Деревня над речкой Вовнянкой полковника Капниста, в которой дворов 20, деревня Конотоп и деревня Свинарка, которыми владеет полковник миргородский Капнист, (Пивовар А.В. «Поселення задніпровських міст до утворення Ново Сербії в документах XVIII століття. К. 2003р.). И еще много других селений, которые он основал и заселил на вольной Полтавской земле.

Мы распрощались с Виталием Ивановичем и поспешили на остановку автобуса, который уже ожидало несколько человек. Рядом, за оградой, была установлена гранитная глыба с надписью, в память о том, что фашисты во время войны расстреляли 320 жителей села, спалили 753 дома и все колхозные постройки. Но, Обуховка вновь возродилась из пепла. Если что и уцелело после революции из вещей Капнистов, то сгорело в пожаре войны. Осталась только память о давно умершем поэте, авторе «Оды на рабство», и нескольких поколениях потомков знаменитой фамилии, выходцев с острова Занте, нашедших здесь свою вторую родину и... покой.

Но, и память, к сожалению, не вечна.

Полтавским шляхом. *Вместо эпитафии. Судак.*

Хотелось бы закончить это путешествие в Судак, там, где оно и начиналось. Здесь, еще в начале прошлого века существовали два дома, связанные с Капнистами. Оба они были разрушены во время войны.

С.Елпатовский в «Крымских очерках» (1913г.) сообщает, что Петр Васильевич Капнист купил дом в Судак в 1785 году, через два года после присоединения Крыма. Архивных подтверждений этому нет, и не ясно, как вообще оказался Петр Васильевич в Крыму. Во многих источниках говорится о том, что у него были неприязненные отношения с Г.Потемкиным, и он вернулся в Россию только после его смерти, и вдруг он поселяется в Судак, можно сказать вотчине Светлейшего князя, да ещё тогда, когда по семейному преданию должен был находиться за границей. Правда точных сведений о времени его пребывания в Голландии, Франции и Англии нет. Обычно называют 20 лет скитаний на чужбине (с 1775 года). Но здесь много неувязок, и чтобы их обойти делают оговорку, что он отсутствовал с перерывами. Хотя, это ни чем не подтверждено. С.В.Скалон пишет, что «там он оставался несколько лет и, наконец, возвратился в Малороссию с женой, прелестной англичанкой, не знавшей ни слова по-русски». Семейные хроники сообщают, что во время революции он был во Франции, а после казни Людовика, в 1793 году, уехал в

Англию, где женился на Елизавете Тимофеевне Гаусман. В 1795 году у них родился сын Илья. Но, не ясно, где это произошло, в Англии или уже после возвращения на родину. И это не все возникающие вопросы.

Будущий декабрист Н.И.Лорер, который воспитывался в семье Петра Васильевича Капниста и был ровесником его сына, вспоминал, что у Елизаветы Тимофеевны долго не было детей, и они ждали ребенка ... 15 лет. Значит, женился Петр Васильевич гораздо раньше, а не после 1793 года. Подтверждает это и И.М.Муравьев-Апостол, который в своем «Путешествии по Тавриде в 1820 году» пишет о встрече с П.В.Капнистом в Судаке и сообщает, что он приехал сюда после смерти своей супруги, с которой... «40 лет прожил неразлучно». Получается, что познакомились

Анастасия Байдак и Р.Р.Капнист

они в 1780 году, вскоре после его отъезда за границу, задолго до французской революции. Значит, он мог приехать на родину с молодой женой еще в начале 1780-х годов. Ведь С.В.Скалон и пишет, что путешествовал Петр Васильевич *несколько лет*. Но тогда он не мог быть свидетелем французской революции. Если только, как утверждают некоторые авторы, не «отсутствовал с перерывами». А если верить этой легенде, то вернуться он должен был после 1793 года. Но Инна Капнист упоминает, что у его внука Ипполита Ильича Капниста хранился благодарственный рескрипт, подписанный Людовиком, после казни которого он бежал в Англию, где жил *несколько лет*, женившись на англичанке. Но, к сожалению, придется признать, что во всем этом много вымысла и неточностей.

Не ясно также почему, судя по документам, имения Василия Петровича Капниста, погибшего еще в 1757 году, было поделено между братьями только в 1802 году? Из чего следует, что тогда они и получили во владение, Василий Васильевич – Обуховку, Николай Васильевич – Манжелию, а Петр Васильевич – Трубайцы и другие селения. Но, как показывают исследования, они жили здесь и до этого. С.В.Скалон пишет, что имения братьев, Петра Васильевича и Василия

Васильевича вообще оставались до смерти их не раздельными.

Не найден и план участка П.В.Капниста в Судаке конца XVIII века. Но, он был отображен на плане Судак 1804 года и позже, когда во владение вступил его сын И.П.Капнист. Вспомним, что лишь в 1803 году впервые приезжает в Судак к своему брату Василий Васильевич Капнист, (а почему-то не раньше, за 18

лет до этого, если он владел им с 1785 года), и пишет стихотворение «Другу сердца», в котором восхищается судакской долиной: «Земли тот уголок счастливый всех боле мест манит мой взор». Для меня в этих строчках важно не столько, кому они были адресованы, (Г.Державину, жене или брату Петру), а почему взор поэта более всего манит именно этот уголок земли, когда известно, что он безмерно любил Обуховку. Не может это быть просто красивым сочетанием слов. Как-то я в это не очень верю. Нет ли здесь загадки, связанной с рождением поэта и появлением Капнистов в Судаке, нами еще не постигнутой и не разрешенной. Или все это лишь вымысел и легенды?..

Вспоминая о своем детстве, Н.И.Лорер пишет: «Надобно знать, что я был принят, как сын в доме П.В.Капниста, который давно уже философом жил в своём поместье в Малороссии после долгих путешествий по Европе. В Англии он женился на англичанке, и, возвратясь с нею вскоре *после этого брака*, поселился в своей деревне Турбайцах, где и *прожил безвыездно 30 лет*, расточая благодеяния на всех его окружающих и не щадя своего большого состояния. После *15-летнего бесплодного брака бог наградил его сыном*, который был моим однолетком, сделался товарищем по воспитанию и другом на всю жизнь».

Петр Васильевич Капнист умер 29 ноября 1826 года и если он прожил в Турбайцах «безвыездно 30 лет», то вернулся на родину в 1796 году, после французской революции и рождения сына. Но, и это не совсем так.

Можно пытаться найти подтверждение этому в письмах Василия Васильевича Капниста, но и они не дают ответа, а скорее опровергают некоторые легенды.

В письме П.Л.Боровиковскому 24 августа 1785 года он спрашивает, сколько денег должен «за печатку брату Петру Васильевичу?». И, надо понимать, что он не в Англии или Франции, а рядом, в своем имении в Турбайцах.

10 сентября 1786 года пишет самому Петру Васильевичу из Чернигова: «Любезный брат! Надеюсь, что моё письмо застанет вас ещё в Турбайцах».

А 26 сентября 1786 года в письме к нему из Киева интересуется, что он подельвает. Будто и не уезжал он никуда и не собирается.

14 марта 1788 года в письме жене в Обуховку делает приписку: «Любезный брат... постарайся продать хлеб, уплатить наместническому правлению». Пишет о долге в 9000р., приглашает с собой волонтером в армию князя. («Это будет для нас увеселительная прогулка»). И... «кланяется» Елизавете Тимофеевне.

Так значит, они уже женаты? А как же казнь короля Людовика XVI, бегство в Англию и знакомство с прелестной англичанкой? Все это, конечно, было, только... немного раньше. Видимо, прав был Муравьев-Апостол, когда писал, что прожили они вместе сорок лет.

Стоит ли перечислять дальше?

Упоминания о Петре Васильевиче Капнисте встречаются в письмах его брата Василия Васильевича к жене 19 мая 1789 (из Трубайц) – «Брата не застал. Он поехал в Кременчуг»; 3 января 1789г. (из Обуховки самому Петру Васильевичу) – «Я был довольно слеп и упрям, отвергая истину Христа»; 12 января 1791 года жене – «Перешли письмо сие моему брату» (в Трубайцы); 23 февраля 1793 года жене из Петербурга – «Не успел ответить на письмо брата Петра Васильевича... извини меня перед ним». (Значит, он по-прежнему в своем имении, а не во дворце Людовика XVI).

И, наконец, письмо Василия Васильевича Капниста жене 7 февраля 1793 года, после кровавых событий во Франции и казни короля, в котором он выражает сочувствие казненному и пишет об ужасах революции... Но ни слова беспокойства о своем любимом брате, который по семейной легенде был до последних минут с обреченным монархом. Но, нет... в конце приписка: «Брату отошли сие письмо». Значит, он по-прежнему в своем имении на Полтавщине, в Трубайцах.

Письма, конечно, не охватывают полностью жизнь Петра Васильевича Капниста. И оставляют возможность для предположений.

В общем, оставляю вам решать эту не простую задачу.

Кстати, в одном из писем жене 2 ноября 1786 года Василий Васильевич пишет: «Дорогая моя, напиши мне, где мой брат? Что о нем слышно? Я ему напишу, чтобы он уезжал из Крыма, ибо оставаться там теперь очень опасно, ежели война действительно неизбежна».

Это письмо косвенно подтверждает, что Петр Васильевич уже имел тогда дом в Судаче и мог его приобрести, как пишет С.Елпатьевский в 1785 году, через два года после присоединения Крыма.

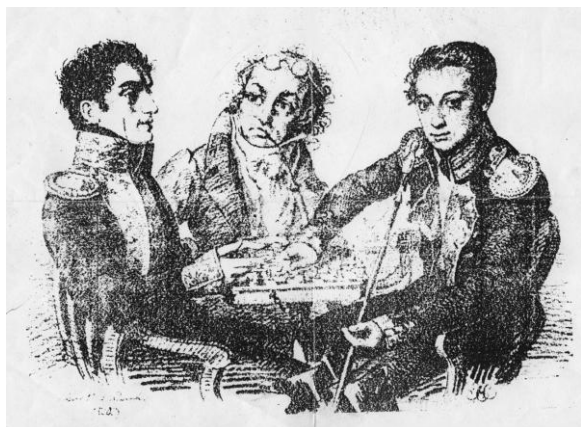
Вопросов это, конечно, не уменьшает, но хоть что-то расставляет по своим местам.

Жаль, что Н.И.Лорер ничего не пишет об имении в Судаче, где он мог бывать с П.В.Капнистом и его сыном в летнее время, так же, как и князь З.С.Херхеулидзе, будущий Керченский градоначальник, который тоже воспитывался в Трубайцах, в доме П.В.Капниста. Думаю, что не случайно он оказался потом в Судаче и купил имение в Новом Свете. На одной из его дочерей был женат князь Лев Сергеевич Голицын, известный крымский винодел.

Принято считать, что не сохранилось портретов Петра Васильевича Капниста, и мы не можем представить, как он выглядел. Хотя, это не совсем так.

В Третьяковской галерее находится литография 1820 года художника К.К.Гампельна (1794-1880-е годы), на которой изображены трое мужчин, сидящих за небольшим шахматным столиком. Подписана она, как мне кажется, не совсем верно: «Князь З.С.Херхеулидзе, *неизвестный* и барон А.И.Черкасов».

Но, сравнивая портреты барона А.И.Черкасова и... Н.И.Лорера, легко прийти к выводу, что на литографии изображен Н.И.Лорер. А если это так, то можно предположить, что неизвестный, сидящий в центре – это Петр Васильевич Капнист у которого они оба воспитывались. Рисунок мог быть сделан на память об этом. Кроме того, как художник, могу добавить, что З.С.Херхеулидзе и Н.И.Лорера

рисовали с натуры, а вот сидящий в центре явно не совсем удачно вставлен между ними, и, видимо, рисован с какого-то неизвестного нам портрета П.В.Капниста, возможно, миниатюры, которую Н.И.Лорер или З.С.Херхеулидзе могли возить с собой. Техника литографии позволяла сделать несколько экземпляров рисунка, и он мог храниться у каждого из них. Может быть, находился и в

доме Петра Васильевича в Трубайцах или... в Судаке.

Инна Капнист пишет, что Петр Васильевич любил движение и... ходил пешком из Малороссии в Крым, в своё имение в Судаке. «В Крыму он посетил все остатки древностей, изучил археологию, составил записки о своих археологических изысканиях, и завел большую библиотеку». (Воспоминания Инны Капнист в книге сочинения графа П.И.Капниста. М. 1901г.)

В нашем представлении эта деятельность связана с Василием Васильевичем Капнистом и его сыном Семеном, который провел в Судаке несколько месяцев в 1820 году и изучал древние памятники. Более того, Инна Капнист сообщает, «иногда поэт ездил в Крым навещать своего брата Петра и, во время этих путешествий, занимался с ним вместе археологией и историей, приводя целые дни в горах, в обществе книг Геродота, Фукидита и Страбона.

Отрицать мы этого не можем. Ведь тогда увлечение археологией и историей было не редкостью среди помещиков в Крыму.

Рядом с П.В.Капнистом, жил И.И.Грапперон в будущем директор музея древностей в Феодосии. А в Новом Свете было имение Б.Галеры – первого директора Феодосийского музея. В судакской долине занимался научной работой Петр Симон Паллас. Несомненно, все они были хорошо знакомы. И трудно было в таком окружении, живя в Судаке, не интересоваться историей. Но, видимо, эта сторона его деятельности оставалась в тени.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о Петре Васильевиче Капнисте, несомненно, человеке незаурядном, и его жизни в Судаке. После его смерти имение в Судакской долине унаследовал его сын Илья Петрович Капнист, у которого было 10 детей. Они и дали продолжение древнему роду.

Н.Лорер акварель Н.Бестужева, 1832г.

Скелп в доме Капниста в Судакe

На месте дома Капнистов по нынешней улице Гагарина уцелел старый винный подвал и каменный скелп, который используется, как погреб. Останки Капнистов были выброшены из него после революции и местонахождение их неизвестно. Со слов Елизаветы Ипполитовны Новиковой (Капнист) в нем была похоронена и старшая дочь Ильи Петровича Капниста Анастасия (1827-1869), которая не на долго пережила своего отца. Умер он в Италии, в Риме, в 1860 году, куда поехал с дочерью Анастасией и маленьким сыном Ильей и там заболел. «Накануне отъезда, - вспоминает Елизавета Ипполитовна, - он вместе с камердинером Лазарем ночевал в своём имении в Кагарлыке, под Судакoм, (возле Грушевки, тогда – Салы). Ночью они оба слышали, как посыпались кирпичи, и казалось, что рухнула печка. Но утром все было в порядке. Говорили, что это дурная примета».

В 1836 году, после смерти своей жены и выдав дочерей замуж, Илья Петрович переехал в Судак из Полтавской губернии со всем скарбом. «Были сколочены большие длинные ящики, наполнили их книгами, портретами и старыми бумагами, запрягли по три пары волов и отправили в Крым».

Видимо, тогда и оказалась в Судакe библиотека Капнистов, которой восхищался С.Елпатьевский в своих «Крымских очерках» (1913г.). Книги эти были сожжены после революции. О чем вспоминала Мария Ростиславна Капнист, судьба других вещей неизвестна.

По документам, которые приводит в своей статье «Имение Капнистов в Судакe» С.А.Андросов («Историческое наследие Крыма», 10-2005г.), следует, что после революции русская часть библиотеки из старого дома Капнистов была вывезена воинскими частями, а «громадные архивы XVIII века» были сожжены, разорваны и уничтожены. Но уцелевшая английская и французская часть библиотеки, массивные шкафы, старые фамильные портреты, картины, остатки мебели и фарфора были якобы перевезены на дачу Романовского, под крепостью, для создания библиотеки и музея. Но уже в 1925 году архивист Феодосийского исполкома Е.Е.Малаявская, не могла обнаружить два сундука с фамильными архивами Капнистов, которые хранились в судакском музее, и ничего узнать о них не смогла.

В доме этом по улице Гагарина жил до революции старший Брат Ростислава Ростиславовича Капниста (1874-1921) – Михаил Ростиславович (1867-1901), которому он перешел по наследству, после смерти их отца Ростислава Ильича Капниста, тоже прожившего не очень долгую жизнь (1830-1879). Ему же принадлежало и имение в Кагарлыке.

Михаил Ростиславович был женат на Анне Михайловне Боярской, дочери коллежского регистратора. У них были дети – Борис (род. в 1888г.), Ростислав (1890-1897) и Петр (1897-1971), который родился в Судакe.

Борис Михайлович после революции оказался в Париже. Петр Михайлович Капнист служил в Белой армии и тоже успел эмигрировать за границу. В 1919 году он женился на дочери отставного полковника баронессе Клавдии Федоровне

Меллер-Закомельской (1896-1923), которая похоронена на кладбище Тестаччо в Риме, рядом с мужем и Ильей Петровичем Капнистом.

В архиве Марии Ростиславовны Капнист сохранилась выписка из какой-то газеты, (№14, за 17 июня за 1920г.), вышедшей в Крыму, где сказано: «Вчера, в 10 верстах от Судака, был убит бандитами уполномоченный Земского союза граф Капнист». Но не указано о ком именно из Капнистов идет речь в этой заметке. Если это сообщение о смерти Р.Р.Капниста, (поскольку он был уполномоченным Земского союза, но лишь с сентября 1919 года по апрель 1920 года), то оно ошибочное. После революции в Судаке оказались многие представители семьи Капнистов и их родственники. Видимо, в ней говорится о его младшем брате.

В одном из писем Илье Дмитриевичу Траскину (1851-1925), двоюродному брату Р.Р.Капниста, Анастасия Дмитриевна Байдак, которая приходилась ему внучатой племянницей, писала в вербное воскресенье весной 1920 года:

«Дорогой дядя Ильюша! Так все грустно, что и праздники не радуют... Тетя Лиза Васильевна и Вася Ипполитович прибежали в Судак и живут у нас. Ольга с 3 сыновьями, невесткой и ребенком на другой [даче]. Никита с женой и детьми на 3-й даче. Так что родных собралось здесь много. Приехали из Полтавы все Бразоли (губ. пред. двор.), Бужовские, Гриневицы, Биллевицы и еще многие, которых ты не знаешь. Все почти без денег. Продукты же здесь очень дороги. Мясо – 180, яйца – 400, мука – 500. мука кул – 6 тыс. Кое-как живем и Бога благодарим, что не нужно «драпать» никуда.

„Вечер в Тавриде, 31 Декабря 1821 года“.

В письме упоминаются Елизавета Васильевна Капнист (Магденко) (1844-1922) – жена Иполита Ильича Капниста (1835-1907), Василий Ипполитович Капнист (р.1864), Ольга Ипполитовна Нестроева (Капнист) – дочь Иполита Ильича Капниста и Никита Ростиславович Капнист (1876-1920) – брат Р.Р.Капниста, имение которого находилось в Малой Поповке на Полтавщине, и был убит «бандитами» по дороге в Судак из Феодосии. «Бандитами» могли быть и «красные», и «зеленые», и мало ли кто еще в то тревожное время. (Копия этого письма, поступившего от Николая Васильевича Траскина, была передана мне Радой Капнист).

С другой стороны долины, под горой Пилав (Плов), прозванной русскими Панамка, находился дом жены Ростислава Ростиславовича Капниста, Анастасии Байдак, где он жил с семьёй, приезжая из Петербурга или своего имения в Полтавской губернии. На дореволюционных открытках и в путеводителях дом называется «Дача Байдак», но как давно он был построен и кому принадлежал прежде, сведений нет. По архитектуре это здание с колоннами, типичное для помещичьих усадеб начала XIX века. Легко предположить, что построено оно задолго до появления здесь Анастасии Байдак жены Р.Р.Капниста.

Интересны в этом плане строчки из воспоминаний Елизаветы Ипполитовны Новиковой о жизни в Судаке Ильи Петровича Капниста, которые относятся к концу 1850-х годов: «Илья Петрович провел осень в Крыму. Были старые письма Анастасии Ильиничны, *которая тоже имела дачу в Судак*, что они в декабре пьют кофе на террасе».

Анастасия Ильинична, старшая дочь Ильи Петровича Капниста долго не выходила замуж, и после смерти матери стала во главе семьи и на ней лежали заботы об отце, осиротевших братьях и сестрах. Она была менее красива, чем её сестры и вышла замуж, когда их всех уже пристроила, за старика генерала Петра Федоровича Пинкорнелли, выходца из Швеции. Он жил в Полтаве и был

директором кадетского корпуса, а лето проводил в своём имении в Павленках, рядом с Трубайцами, и конечно, был знаком с семейством Ильи Петровича. Можно предположить, что с ним связано появление «Дачи Байдак» в Судаке, которая могла принадлежать Анастасии Ильиничне.

Умерла она в Судаке от чахотки в 1869 году, и была похоронена в семейном склепе, а муж её прожил еще долго, до 1880 года.

Дочь Анастасии Ильиничны и Петра Федоровича Пинкорнелли – Елизавета Петровна Пинкорнелли (1856-1930), бабушка актрисы Марии Капнист, умершая в Судаке, вышла замуж за... Дмитрия Георгиевича Байдака. Как видите, «круг замкнулся» и, кажется, мы выяснили, почему дом Анастасии Ильиничны Капнист стал называться «Дача Байдак».

Но на берегу Судакской бухты было ещё одно здание, которое имело такое название, построенное уже в начале прошлого века. Находилось оно на месте заброшенного сейчас многоэтажного аварийного корпуса военного санатория. Рядом был и подвал, в котором вместе с другими жителями Судака находился перед расстрелом граф Р.Р.Капнист. Здесь жила мать Анастасии Дмитриевны, Елизавета Петровна

Пинкорнелли, сдавая комнаты отдыхающим. В советское время она зарабатывала на жизнь уроками английского и немецкого языка.

Елизавета Ипполитовна Новикова писала: «Она еще похудела, но очень бодрая и живая. Все её заботы о Настеньке. Что касается последней, то она ровно ничего не делает, а заставляет сына и дочь исполнять всю тяжелую и черную работу, не жалея их, сама же у них на иждивении. Андрей занимается извозом мусора, а Мира ведет домашнее хозяйство. Живут они в двух комнатах, так как остальные представляют полуразрушенный вид. Обстановки никакой. Настеньке удалось сохранить кое какие свои наряды и она, нарядившись, бегаёт по Судак. На неё смотрят косо и терпеть не могут за то, что не жалеет своих детей. А мать её все уважают».

Умерла Елизавета Петровна Пинкорнелли в 1930 году и похоронена в Судак. Но могила её, как и другие, связанные с историей города, не сохранилась. Кладбище было уничтожено в 1970-е годы.

Сохранилось несколько старых фотографий дома Байдак под горой Панамкой. На одной из них, (из архива Герцык, который хранится у Т.Н.Жуковской), на первом

плане смуглая женщина, похожая на татарку, с такой же загорелой девочкой в татарской феске на руках. Боюсь удивить всех своим предположением, но думаю, что перед нами Елизавета Петровна Пинкорнелли с маленькой Мирой Капнист, будущей актрисой Марией Ростиславовной. К такому неожиданному и достаточно спорному выводу я пришел, сравнивая с другими известными их фотографиями того времени. То, что многие носили тогда татарскую одежду и одевались достаточно просто, вспоминает и Евгения Казимировна Герцык. В этом не было ничего удивительно. Да и загар легко объясним крымским солнцем, на котором они проводили целые дни. Думаю, что снимок дома Байдак не мог быть сделан со случайными людьми, а на нём мать Анастасии Дмитриевны и её маленькая дочь. Жаль, что неизвестно, кто является автором фотографии.

Рядом с дачей Байдак (Пинкорнелли) на берегу находился дом начальника пограничной стражи Ильи Уаровича Паскевича, который состоял в родственных связях с Капнистами. Поэтому Мария Ростиславовна Капнист, вспоминая о пушках, которые стояли на террасе дома Паскевича, взятые с выброшенного на берег фрегата, и находясь сейчас в крепости, пишет «наша дача». Илья Уарович Паскевич был сыном племянницы жены Петра Васильевича Капниста, Елизаветы Тимофеевны Гаусман.

В 1929 году Анастасия Дмитриевна Капнист вынуждена была бежать из Судака вместе с детьми. После этого дом под горой Панамка использовался военным санаторием, потом там размещалось общежитие. Во время войны он был разрушен и камни растащены на другие постройки. На этом месте остался пустырь, заросший травой, и ничто уже не напоминало о нём, как и о тех людях, которые здесь жили.

Лет двенадцать назад, (в 1999 году), я пришел на это место со старой фотографией дома, чтобы определить по линии горизонта и силуэту окружающих гор, где он находился. Прошел по пустырю и, нагнувшись, поднял с земли небольшой

Мария Капнист и Е.П.Пинкорнелли, около 1929г.

осколок фарфоровой чашечки... с гербом Капнистов – три вулкана на золотом фоне и надписью по-латыни «И в огне не горим». Тогда я взял саперную лопатку и копнул пологий склон. Посыпались старые аптечные флаконы, и еще какие-то пузырьки с надписями. Вспомнилось, что Ростислав Ростиславович Капнист, расстрелянный в Судаче в 1921 году, занимался в Феодосии организацией склада медикаментов для госпиталей добровольческой армии, что и было вменено ему в вину. А когда он сидел в подвале ЧК, в доме его тяжело болела гувернантка, о чем пишет Аделаида Герцык, и возможно эти аптечные флаконы, были напоминанием о тех событиях.

Не трудно догадаться, что с этого дня я ходил к горе Панамка, с женой и детьми, как на работу, в надежде найти что-то интересное. Скажу сразу, что кладов и каких-то сокровищ Капнисты нам не оставили, да их видно уже и не было, после

разграбления усадьбы и расстрела Ростислава Ростиславовича. Но хозяйственную яму с битой посудой, старыми бутылками, пустыми аптечными флаконами, сломанными зубными щетками и яичной скорлупой мы, видимо, и нашли. Хотя сначала думали, конечно, что эти вещи были умышленно спрятаны, при поспешном бегстве Анастасии Байдак в 1929 году из Крыма. Но все же мы пришли к убеждению, что это лишь мусорная яма, куда выбрасывали все битое и ненужное, но, как оказалось интересное сегодня. В любом случае, это были, наверное, первые раскопки в Крыму, да и в истории археологии, графской усадьбы начала прошлого века. Ведь у нас принято исследовать более древние памятники, а к подобным изысканиям «научная мысль» еще не пришла.

Мы разыскали в Харькове дочь Марии Ростиславовны Капнист, Раду. Она приезжала к нам в гости с сыном Георгием, внуком актрисы. И в первый же вечер мы побывали на месте, где стоял дом, в котором прошло детство её матери. Рада зажгла здесь свечку, привезенную когда-то Марией Ростиславовной из Парижа, укрепив её на каменистом склоне и прикрывая от ветра рукой. У неё сохранилась и чашечка с гербом Капнистов, такая же, как и та, осколок которой я нашел на пустыре. На донце её

Мария Капнист в детстве (фрагмент фотографии в лодке),

можно было прочесть надпись в фигурной картуши - «Миргород. Школа Гоголя», где она была изготовлена. Так символично переплелись в Судьбах Капнистов Полтавщина и Крым. Чашечку эту, как и другую посуду, сохранили соседи и передали Марии Ростиславовне после возвращения из лагеря. Это еще раз подтверждало, что найденное нами было не спрятано, а выброшено когда-то, сохранившись, таким образом, до наших дней.

Приходя «на раскопки» мы обращались к Анастасии (Байдак), «здоровались» с ней и просили, чтобы она помогла нам найти что-то интересное, еще не зная тогда, что первую владелицу усадьбы, дочь Ильи Петровича Капниста, звали тоже Анастасия. Какой-то системы в этих находках не было. Часто фрагменты посуды были разбросаны на большом расстоянии. Так мы долго искали куски старого английского фильтра для воды, (я такой видел потом в феодосийском музее), находя их метрах в трех друг от друга, но, так и не собрав все его фрагменты. Можно было предположить, что здесь давно уже все перерыто до нас, чего нельзя было исключать, ведь прошло много лет, или разбросано взрывом, поскольку дом был разрушен во время войны.

Дети Анастасии Байдак и Р.Р.Капниста, в центре Лиза, справа Мария Капнист, около 1918г.

А в день рождения, когда, до прихода гостей, я решил сходить к Панамке, Анастасия сделала мне подарок. В земле показалось что-то белое и большое, какой-то сложной, неправильной формы. Затаив дыхание, я с детьми осторожно очищал находку, пытаюсь угадать, что же это такое. И только, когда она уже на половину была освобождена от земли, мы в один голос воскликнули: «Унитаз!!!» Не знаю, чего было больше в этом возгласе – радости, удивления или разочарования.

Представьте выражение лица жены, которая уже не раз в нетерпении выглядывала с балкона, ожидая нас к столу, когда она увидела, что мы гордо, как древние охотники, несем что-то привязанное к палке, большое и белое, неопределенной формы...

Она, конечно, поделила нашу радость, но, все же спросила, не могли ли мы попросить у Анастасии что-нибудь другое.

Находки, сделанные на месте дачи Байдак-Капнист, были выставлены в школьном музее, разумеется, за исключением разбитого унитаза известной и сегодня английской фирмы «Trent».

Эта и другие найденные предметы, (фильтр для воды, собранная из осколков посуда), дополняют наше представление о Судаке того времени, далеко не захолустья, а зарождающегося курорта и говорят о том, что здесь принимали гостей и отдыхающих уже тогда... на «европейском» уровне, предлагая приехавшим на отдых и чудеса канализации, и очищенную воду, и угощение на старинном фарфоре...

Среди находок были и простые керамические изделия, которыми пользовались в быту – миски и «глечики», привезенные из имений в Полтавской губернии, фрагменты детских игрушек, разбитые свистульки с Опошни, которыми могла играть в детстве и Мария Ростиславовна Капнист.

Но, к сожалению, спросить её об этом мы уже не могли.

Несколько лет назад территория, где находилась когда-то дача Байдак, попала в зону строительства. Там всё перерыли, выравнивая под фундамент, на метр засыпали землей, и возвели какие-то дома. Так что

возможность исследования этого места утрачена. И если бы не поднял я тогда на пустыре осколок фарфоровой чашечки с гербом Капнистов, и надписью по-латыни «И в огне не горим», мы бы ничего этого не узнали, и не совершили бы путешествия в прошлое, в историю древнего рода Капнистов, не побывали бы в Трубайцах, Поповке, Ялосовецком, Бригадировке, Обуховке не прошли бы Полтавским шляхом.

Юрий Белов

Миргород – Судак, 2002-2011 год.

По всем вопросам, с предложениями и пожеланиями
обращаться к автору:

impression128@rambler.ru